

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 3, 2003

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Дмитрий Rogozin

**ПРОТОКОЛЬНЫМИ НОТАМИ
МИРОВАЯ ИСТОРИЯ НЕ ПИШЕТСЯ**

Роланд Тимербаев

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И АТОМНАЯ ПРОБЛЕМА**

Николай Соков

**ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США:
ВОЗРАСТАЕТ ЛИ РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ?**

Евгений Сатановский

**МИР ПОСЛЕ
ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ**

Виктор Козлов

**ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО
АТОМНОГО ЭКСПОРТА**

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 3 (69), Том 9
Осень 2003**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Роланд М. Тимербаев
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER

Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Издатель

ПИР-Центр политических исследований:

Анна И. Абаева, стажер
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, старший советник
Томас Дитерс, стажер
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Андрей В. Гребенчиков, стажер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник
Ирина А. Котова, секретарь
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, старший советник
Константин А. Маркелов, стажер
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Елена Д. Полидова, исполнительный помощник директора
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Вячеслав А. Романов, генерал-лейтенант, консультант
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Роланд М. Тиммербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
председатель Совета и старший советник
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Андрей Л. Фролов, младший научный сотрудник
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор
образовательных проектов
Анна В. Шувалова, библиотекарь, стажер
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 3 (69), Том 9
Осень 2003

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор
[frolov@pircenter.org]
Елена Д. Полидова, администратор проекта
[info@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]
Наталья С. Котовщикова, технический редактор
Евгения А. Кожурина, корректор
Екатерина В. Мышева, литературный редактор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б
Редакция Ядерного Контроля
Телефон редакции:
+7-095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-095-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>
Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушер и др.

Подписка и распространение (подробнее см. стр. 181)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел: +7-095-764-98-96

За рубежом:

- Swets Blackwell: тел: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; web: www.swetsblackwell.com
- East View Publications, Представительство в России, тел: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; web: www.eastview.com

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 15 августа 2003 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2003

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 7 **После Эвиана: сделать так, чтобы документы саммита не стали «водой»**

ИНТЕРВЬЮ

- 9 **Дмитрий Rogozin: «Протокольными нотами мировая история не пишется» – Андрей Фролов** – Корреспондент журнала *Ядерный Контроль* взял эксклюзивное интервью у председателя Комитета Государственной Думы по международным делам Д.О. Рогозина, который в ходе беседы высказал свое мнение о ситуации вокруг КНДР и Ирана, об отношениях России со странами СНГ в рамках Договора о коллективной безопасности, а также остановился на вопросе совершенствования режима нераспространения.

АНАЛИЗ

- 15 **Ближний Восток и атомная проблема – Роланд Тимербаев** – Недавние события вокруг Ирака вновь привлекли внимание мирового сообщества к проблеме ближневосточного урегулирования. Немаловажную роль в достижении этой цели играет и успешное решение атомной проблемы. Автор исследует условия возникновения ядерного фактора в регионе, предлагает практические пути решения данного вопроса.
- 49 **Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения – Александр Калядин** – Угроза международного терроризма и распространения ОМУ, средств его доставки может привести к возникновению чрезвычайных обстоятельств, при которых окажутся недостаточными традиционные политико-дипломатические инструменты. Автор отмечает, что для эффективного противодействия может потребоваться оперативное принятие решительных принудительных мер, связанных с использованием силы.

- 59 **Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России – Василий Лата** – Автор рассматривает различные сценарии совершенствования и модернизации Стратегических ядерных сил России. Состояние российских СЯС в XXI веке будет зависеть от внешних и внутренних геополитических факторов, которые служат критериями для планирования развития Стратегических ядерных сил.
- 71 **Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? – Николай Соков** – В начале 2003 г. запрос администрации Дж. Буша об ассигнованиях на разработку ядерных боезарядов малой мощности вновь поставил вопрос о месте ядерного оружия в стратегии США. Автор подробно рассматривает различные аспекты, связанные с ядерным арсеналом США, сравнивает концептуальные подходы к проблеме ядерного оружия в США и России.

П О Л Е М И К А

- 87 **Мир после иракской войны – Евгений Сатановский** – Война в Ираке содействовала значительной трансформации мирового сообщества. Исходя из этого, автор рассматривает изменения на глобальном уровне, роль мировых институтов, место морали и политики в современном мире, а также религиозные и цивилизационные факторы. Кроме того, серьезное внимание в исследовании уделено вопросам, связанным с оружием массового уничтожения, аспектам его распространения и использования в террористических целях.
- 95 **НАТО, Россия и угрозы нового века – Константин Эггерт** - На фоне стремительных изменений, связанных с трансформацией НАТО, возникает вопрос о будущей роли этой организации в мировой политике. Автор исследует возможные сценарии развития ситуации, касающиеся как НАТО в целом, так и отношений России с альянсом.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 101 **О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. – Роланд Тимербаев** – Автор анализирует результаты заседания Подготовительного комитета, рассматривающего вопросы организации Конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г., проходившего весной этого года в уникальной обстановке – выхода из Договора одного из участников (КНДР).

О Б З О Р

- 109 **Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие – Александр Федоров** – Тенденция сращивания организованной преступности и террористических групп является одной

из актуальных проблем современной безопасности. Автор приходит к выводу, что терроризм, вне зависимости от идеологии, - в первую очередь криминальное явление, которое в последнее время стало носить трансграничный характер. Последнее обстоятельство приводит к росту сотрудничества между государствами в сфере борьбы с криминалом.

- 119 **Перспективы российского атомного экспорта – Виктор Козлов** – В статье представлена история международного сотрудничества России (СССР) в области проектирования и строительства АЭС, рассматриваются ныне реализуемые за рубежом контракты, в том числе строительство АЭС в Иране, анализируются страны-конкуренты России на рынке АЭС и перспективные направления российского экспорта атомных технологий.
- 127 **Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации – Элина Кириченко** – Автор анализирует взаимосвязь между усиливающейся ролью международного трансферта технологий и тенденциями в развитии экспортного контроля, а также перспективы экспортного контроля в XXI веке. Акцент делается на анализе контроля за неосознаваемыми формами передачи технологий.
- 139 **Глобальное партнерство в российско-японских отношениях – Наталья Белобородова** – В ходе визита в Россию премьер-министра Японии Д. Коидзуми были обозначены приоритетные направления двусторонних отношений в области уменьшения ядерной угрозы. На основе богатого фактического материала автор исследует историю российско-японского сотрудничества в данной области и делает прогноз в отношении его перспектив.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 157 **Герой России – Эдуард Шарапов, Борис Юринов** – Завесу тайны, сопровождавшую деятельность Героя России, человека, сыгравшего не последнюю роль в деле создания Советским Союзом атомной бомбы, разведчика В.Б. Барковского, пытаются приоткрыть авторы данной статьи. Приводятся интересные факты из жизни разведчика, в том числе взятые из интервью с В.Б. Барковским и его автобиографии.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 165 **Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX веке. – Алексей Обухов** – Мемуары известного ученого охватывают различные этапы его жизни: от периода научной работы в Германии в 1920–1930-х гг. до участия в создании американского ядерного и водородного оружия. В книге, в частности, уделяется большое внимание различным аспектам гонки вооружений, таким, как, например, описание

испытательных взрывов, которые привели к появлению ядерного оружия, пригодного к доставке по воздуху.

- 169 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

171 S U M M A R Y

175 О Б А В Т О Р А Х

179 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

181 О П О Д П И С К Е

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

- после с.108 ПИР-Центр и журнал *Ядерный Контроль* публикуют очередной выпуск бюллетеня, посвященного взаимодействию стран «Большой восьмерки» в области сокращения избыточного ОМУ и его компонентов в России. Второй номер бюллетеня содержит информацию о реализации программы Глобального партнерства в свете итогов саммита в Эвиане.

События в Ираке и вокруг него вновь со всей остротой поставили на повестку дня международной жизни вопрос о необходимости достижения долгосрочного ближневосточного урегулирования. Действия по продвижению его вперед в контексте так называемой «Дорожной карты», выработанной усилиями Соединенных Штатов, России, ООН и ЕС, не могут не затронуть на соответствующем этапе вопросы, связанные с оружием массового уничтожения на Ближнем Востоке. Ситуация с этими видами оружия, в особенности ядерным, на протяжении десятилетий является одним из основных «камней преткновения» на пути к решению ближневосточного вопроса, и совершенно очевидно, что мир и стабильность в этом регионе невозможны без нахождения общеприемлемого решения этой застарелой проблемы.

Цель настоящей работы – проанализировать, как атомная проблема влияет на состояние и перспективы политического урегулирования на Ближнем Востоке и установления там прочного мира. Несмотря на развивающуюся после окончания холодной войны тенденцию в направлении формирования новых стратегических отношений в общемировом масштабе, Ближний Восток по-прежнему остается одним из наиболее взрывоопасных регионов мира. Продолжающаяся оставаться неурегулированной обстановка вокруг арабо-израильского конфликта не только препятствует обеспечению безопасности для стран и народов региона, но и отягощает отношения между великими державами и другими государствами, подрывает международную безопасность.

Ближневосточная проблема на современном историческом этапе возникла до того, как ядерный фактор стал играть какую-либо роль в этом регионе. Война 1948 г. явилась результатом неудовлетворенности сторон решением ООН о разделе Палестины на два государства – арабское и израильское. Но война 1967 г. проходила в условиях, когда израильтяне, судя по всему, уже в основном решили атомную проблему и даже, возможно, располагали небольшим количеством примитивных атомных взрывных устройств. Последующие события, включая войну 1973 г. и резко обострившийся, особенно в последние годы, арабо-израильский конфликт, позволяют с полным основанием говорить, что ядерный фактор осложняет и без того серьезную проблему урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Об этом неопровержимо свидетельствует тот факт, что некоторые арабские страны стремились и, очевидно, будут и дальше искать возможности противопоставить израильскому ядерному сдерживающему средству свое ядерное или другое оружие массового уничтожения, чего бы это им не стоило.

Появление фактора атомного оружия на ближневосточной сцене, как и в мире в целом, в сущности, было делом неизбежным. Страны Ближнего Востока заинтересовались атомной энергией еще в 1950-е гг. К настоящему времени, помимо Израиля, ядерной деятельностью в той или иной степени занимаются следующие государства региона: Алжир, Египет, Иран, Ливия, Сирия и Иордания. Что касается Ирака, то он, как хорошо

известно, к началу 1980-х гг. при содействии Франции сильно продвинулся в создании способного нарабатывать плутоний реактора «Озирак», который был разрушен в результате налета израильской авиации, а в дальнейшем, в нарушение своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия, имел тайную программу создания ядерного оружия, которая была прекращена и ликвидирована по решению Совета Безопасности в 1991 г.

По различным аспектам атомной проблемы на Ближнем Востоке, особенно по ядерной программе Израиля и созданию его ядерного потенциала, по раскрытию и разоблачению тайной ядерной деятельности Ирака, а также по взаимоотношениям Израиля со своими соседями – Ираком, Египтом, Ираном и другими ближневосточными странами в этой области имеется весьма широкий набор литературы¹, и поэтому, ограничившись изложением основных фактов, относящихся к возникновению и развитию данной проблемы, основное внимание на этом фоне мы сосредоточим на анализе роли ядерного фактора в общерегиональном контексте и на перспективах дальнейшего развития ядерной ситуации на Ближнем Востоке с точки зрения поддержания международного мира и безопасности в регионе и в мире в целом. При этом, на основе аналитического обзора атомных программ, ядерной политики и амбиций государств региона попытаемся высказать некоторые соображения о том, как могут в дальнейшем развиваться события в этой области и как следовало бы подойти к решению ядерной проблемы на Ближнем Востоке. Основное внимание будет, как представляется очевидным, уделено прежде всего Израилю и Ираку, как странам, находившимся, во всяком случае до последнего времени, в наиболее острой конфронтации в области распространения оружия массового уничтожения. Естественно, что надлежащее место в настоящей статье займут вопросы, относящиеся к ядерной деятельности Ирана, а также и других государств региона.

ИЗРАИЛЬ

История создания израильского «ядерного сдерживающего средства». Общепринято считать, что Израиль является единственным государством Ближнего Востока, располагающим ядерным оружием. То, что Израиль обладает ядерным оружием и средствами его доставки, уже давно повсеместно признано, особенно после известных разоблачений, сделанных в 1986 г. М. Вануну, который работал на атомном объекте в Димоне, и подтвержденных французскими специалистами, оказавшими решающую помощь в становлении атомного потенциала Израиля. Тем не менее, не представляется ли парадоксальным, что израильские власти, в отличие от правительств всех других ядерных держав, никогда официально не признавали, что располагают ядерным оружием? К этому вопросу мы вернемся ниже.

У истоков израильской атомной программы стояли первый премьер-министр Израиля Б. Гурион, ученый-химик Э. Бергман и основной организатор атомного проекта, генеральный директор министерства обороны Ш. Перес (в последующем занимавший посты премьер-министра и Министра иностранных дел). Вскоре после создания государства Израиль правительством была поставлена задача овладения новым источником энергии и, соответственно, новым оружием в качестве ядерного сдерживающего средства, и уже в 1948 г. в военном ведомстве был создан научный департамент во главе с Э. Бергманом, а в 1952 г. образована атомная комиссия, руководителем которой был назначен тот же Э. Бергман.

Ш. Перес взял курс на сотрудничество прежде всего с Францией и в течение ряда лет «устанавливал и цементировал» связи с этой страной в ядерной области². При этом в Тель-Авиве исходили из того, что в условиях франко-алжирского конфликта «[...] в интересах Франции было иметь сильный в военном отношении Израиль, способный угрожать Насеру»³. Как затем стало широко известно, вскоре после Суэцкого кризиса 1956 г. французы согласились построить в Димоне промышленный реактор на тяжелой воде и подземный радиохимический завод по выделению плутония.

Правительство Франции, которое тогда возглавлял Г. Молле, делало ставку на Израиль в противовес арабскому национализму, угрожавшему французским интересам в Афри-

ке, прежде всего в Алжире. По свидетельству П. Пеана, автора вышедшей в 1982 г. книги «Две бомбы», в ноябре 1956 г. Г. Молле заявил: «Я им (израильтянам. – Р.Т.) должен дать бомбу». Премьер-министра поддержал начальник генерального штаба генерал П. Эли: «Нужно предоставить им этот контрбаланс, чтобы обеспечить их безопасность. Это жизненно необходимо»⁴.

Израиль заключил с Францией, имевшей к тому времени хорошо развитую ядерную программу, секретное соглашение о строительстве промышленного тяжеловодного реактора в Димоне (в пустыне Негев) мощностью 26 МВт и установки для выделения плутония. Несмотря на запрет, установленный Ш. де Голлем после прихода к власти в 1958 г., французская промышленность продолжала оказывать помощь Израилю в сооружении этих установок⁵. Кроме того, Израиль получал тяжелую воду из Норвегии.

Мощность Димонского реактора была в дальнейшем доведена до 40 МВт, а потом и до 70–150 МВт⁶. Реактор начал нарабатывать плутоний в 1966 г. Тогда же заработала установка по химпереработке и выделению плутония⁷. Имелись сведения и том, будто французы оказывали израильтянам содействие в разработке конструкции ядерного устройства и, возможно, поделились информацией, полученной после своего первого ядерного испытания, проведенного в Сахаре в 1960 г.⁸ Были сообщения, что израильтяне начиная с 1950–1960-х гг.⁹ смогли получать данные о результатах американских испытаний атомного и водородного оружия.

Хотя о строительстве Димонского реактора стало известно еще в 1960-х гг., многие из важнейших сведений о ядерной программе Израиля стали достоянием гласности в результате сенсационных разоблачений, сделанных израильским специалистом М. Вану-ну, работавшим в Димоне в 1977–1985 гг., английской газете *Sunday Times* в 1986 г. Факт оказания помощи Израилю был подтвержден в интервью той же газете руководителем французского Комиссариата по атомной энергии в 1951–1970-х гг. Ф. Перреном, который активно участвовал в осуществлении этой помощи¹⁰.

Представители разных американских администраций занимали двусмысленную позицию в отношении израильской атомной программы, чаще всего закрывая глаза на ее развитие. Администрация Д. Эйзенхауэра узнала о Димонском проекте в 1958–1959 гг., но никакого противодействия не предпринимала, «[...] установив, – как писал А. Коэн, – прецедент, согласно которому израильская программа по созданию ядерного оружия рассматривалась в качестве особого случая». «Конец пятидесятих годов, – считает А. Коэн, – по всей видимости, был единственной возможностью, когда Соединенные Штаты могли бы оказать на Израиль успешный нажим, с тем чтобы он отказался от проекта создания ядерного оружия в обмен на американские гарантии безопасности, но этот шанс не был использован»¹¹.

Предоставив Израилю в 1950-х гг. небольшой исследовательский реактор «Сорек» (находящийся под гарантиями МАГАТЭ), в периоды правления Дж. Кеннеди и Л. Джонсона США высказывались против приобретения им ядерного оружия и ставили перед Б. Гурионом вопрос о посещении Димоны американскими специалистами, на что израильтянам пришлось согласиться. С мая 1961 по июль 1969 г. было осуществлено восемь посещений атомного реактора, но «секреты Димоны так и не были раскрыты». Эти визиты (в Израиле тщательно избегали называть их инспекциями) были организованы израильской стороной таким образом, что американские визитеры не обнаружили подземного радиохимического завода и даже «признаков его существования»¹².

Дж. Кеннеди не раз обсуждал вопрос о гарантиях МАГАТЭ с Б. Гурионом, в 1965 г. Л. Джонсон направил в Израиль специальных эмиссаров, в том числе А. Гарримана, чтобы попытаться добиться постановки Димонского реактора под гарантии Агентства. В следующем году США предлагали Израилю установку по опреснению воды в обмен на принятие инспекторов Международного агентства¹³. В 1968 г. заместитель госсекретаря Дж. Болл пытался получить от Израиля заверение в том, что он обязывается не создавать ядерное оружие в обмен на поставки Соединенными Штатами самолетов *F-4 Phantom*, однако из-за оппозиции со стороны американского Конгресса Госдепартамент не стал настаивать на этом требовании.

И в дальнейшем США сквозь пальцы наблюдали за развертыванием израильской ядерной программы, не прекращая оказывать военную помощь Израилю. Не настаивали и не настаивают США и на присоединении Израиля к ДНЯО. Как отмечает Ш. Фелдман, «нигде избирательный характер американской политики по ядерному нераспространению не проявлялся столь явно, как в случае с Израилем»¹⁴. Существенной, если не решающей, поддержкой Израилю в обеспечении его безопасности было и остается «стратегическое партнерство» с Соединенными Штатами.

Однако в условиях определенного давления на Израиль со стороны демократических администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, которое оказывалось на фоне проходивших в тот период переговоров по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия, завершившихся его подписанием в июле 1968 г., израильским правительством была выработана политика *неопределенности* или *двусмысленности* в отношении своего ядерного потенциала. Официальная политика Израиля, начиная с министерства Б. Гуриона (1955–1963 гг.), была сформулирована следующим образом: «Израиль первым не введет ядерное оружие на Ближнем Востоке». Эта политика была формально закреплена при правительстве Л. Эшкола и администрации Л. Джонсона в марте 1965 г., когда между двумя государствами был подписан «Меморандум о понимании», в котором Израиль официально подтвердил, что будет проводить такую политику (т.е. что он «первым не введет ядерное оружие в арабо-израильский регион»)¹⁵.

Премьер-министр И. Рабин, вместе с тем, заявил в 1974 г., что «мы не можем позволить себе стать второй страной, которая сделает это»¹⁶. С того времени ядерный потенциал Израиля рассматривается многими специалистами как «экзистенциальное сдерживание»¹⁷. Факт наличия ядерного оружия, однако, неизменно скрывается, и в отношении существования оружия проводится политика *двусмысленности*.

Израиль отказался подписать ДНЯО и принять гарантии Международного агентства по атомной энергии, а также заключить со странами региона соглашение о создании зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Не оспаривая в открытой форме значения международно-правовой нормы и режима нераспространения, Израиль утверждает, что «императивы безопасности и стратегические обстоятельства, существующие на Ближнем Востоке, не позволяют ему присоединиться к ДНЯО»¹⁸. Свое отношение к гарантиям МАГАТЭ израильский министр иностранных дел А. Эбан объяснял в беседе с госсекретарем США Д. Раском в феврале 1966 г. «[...] все более ослабевающей позицией Израиля в МАГАТЭ и растущей силой арабов в этом органе». (На что Д. Раск иронически заметил, что те заверения, которые дает Израиль, не помешают ему довести дело до опасной ситуации, когда наступит *восьмимесячная беременность*.)¹⁹

Значительный интерес представляет вопрос о том, когда Израиль создал ядерное взрывное устройство. Собранные и скрупулезно проанализированные А. Козном открытые, но малодоступные материалы и воспоминания очевидцев относительно того, когда и каким образом Израиль овладел этим оружием, свидетельствуют о том, что скорее всего это имело место в конце 1966 – начале 1967 г., и во всяком случае до начала войны 1967 г. В автобиографической книге (на иврите) одного из руководителей израильского атомного проекта М. Мардора сообщается, что 2 ноября 1966 г. «[...] было проведено испытание особого значения. Оно ознаменовало окончание стадии разработок и явилось шагом, который подвел одну из наших главных систем оружия к завершающим фазам развития и производства. [...] Испытание увенчалось полным успехом, так как мы получили недвусмысленное экспериментальное доказательство адекватности той системы, которую мы разрабатывали. [...] Мы ожидали этого результата в течение многих лет». По мнению А. Козна, это было «[...] испытание либо законченной импловзивной конструкции, либо устройства нулевой или близкой к нулевой мощности»²⁰.

Почти одновременно, в марте того же 1966 г., был осуществлен успешный запуск двухступенчатой баллистической ракеты *Иерихон*, которая также была изготовлена в основном при помощи Франции. Таким образом, констатирует А. Козн, в 1966 г., то есть до шестидневной войны июня 1967 г.²¹, Израиль овладел всеми тремя составляющими, позволявшими ему располагать ядерными возможностями: производством расщепляю-

щихся материалов, конструкцией взрывного устройства и средствами доставки ядерного оружия. Ссылаясь на свидетельства современников, которые он считает достойными доверия, А. Козн утверждает, что накануне войны 1967 г. Израиль располагал двумя ядерными взрывными устройствами, которые могли бы быть применены с использованием имеющихся на тот момент средств доставки²².

В своих мемуарах, опубликованных в 1995 г., Ш. Перес пишет, что в тот период он внес на рассмотрение министра обороны М. Дайяна предложение, которое «[...] сдержало бы арабов и предотвратило бы войну». Это высказывание, которое Ш. Перес не детализирует по причинам его секретности, было истолковано, пишет А. Козн, как предложение произвести демонстрационный ядерный взрыв. Предложение Ш. Переса принято не было, поскольку оно, как решило израильское руководство, могло бы привести к опасным и непредсказуемым последствиям²³.

После того, как в конце 1960-х гг. Израиль овладел ядерным потенциалом, при премьер-министрах Л. Эшколе и Г. Меир, он перешел от атомной политики *неопределенности* к политике *непрозрачности*²⁴. Примерно в это же время в США пришла к власти республиканская администрация Р. Никсона, в которой вначале пост советника по национальной безопасности, а затем госсекретаря занял Г. Киссинджер. Это обстоятельство, по мнению А. Козна, позволило правительствам обеих стран закрепить новый режим *непрозрачности*. Летом 1969 г., как указывалось выше, *визиты* американцев в Димону были прекращены²⁵. Это решение отразило понимание между Р. Никсоном и Г. Меир «[...] новых политических и стратегических реальностей». Согласно этому пониманию, «[...] предполагалось, но не признавалось, что Израиль является государством, располагающим ядерным оружием»²⁶.

В сентябре 1979 г. американский разведывательный спутник *Vela* зафиксировал в южной Атлантике вспышку, которая могла быть ядерным взрывом небольшой мощности, что вызывало предположение, что Израиль, возможно при участии Южной Африки, произвел ядерное испытание. Однако, как можно судить по сообщениям печати и по беседам автора с некоторыми американскими специалистами, знакомыми с результатами проведенного расследования, инцидент до сих пор остается неразгаданным.

Позднее Израиль пошел дальше в развитии своей ядерной политики, что выразилось в появлении так называемой «доктрины М. Бегина»²⁷, суть которой состояла в том, что Израиль не допустит любой попытки своих противников овладеть ядерным оружием. В результате в июне 1981 г. израильская авиация уничтожила иракский реактор «Озирак», способный нарабатывать плутоний, который строился при содействии Франции²⁸.

Подводя итог анализу процесса создания ядерного потенциала и формирования ядерной политики Израиля, А. Козн приходит к выводу, что политика *непрозрачности* базируется на следующих постулатах:

- «для безопасности Израиля жизненно важно располагать ядерным оружием; не следует допускать, чтобы арабы овладели ядерным оружием и, следовательно, израильская ядерная монополия должна быть сохранена;
- Израиль не может открыто претендовать на ядерную монополию и, таким образом, должен сохранить свой ядерный статус непризнанным;
- ядерный вопрос не должен быть предметом публичного обсуждения; он должен быть оставлен на усмотрение ядерных профессионалов;
- политика *непрозрачности* хорошо служит Израилю, и альтернативы ей нет»²⁹.

Но в этом, убежден А. Козн, таится и большой недостаток: «Культура непрозрачности [...] знаменует разительный провал демократии», существует «[...] противоречие между ядерным оружием и принципами и ценностями либеральной демократии»; ядерное оружие «[...] противоречит духу демократического правления, оно разъедает и разлагает его». В этом – *трагический парадокс*. В 1994 г. А. Козн пытался издать свою монографию в Израиле, но военная цензура без каких-либо объяснений, ссылаясь лишь на *государ-*

ственные соображения, наложила на нее запрет. Дело дошло до Верховного Суда, но запрет остался в силе³⁰.

Сохранится ли и далее политика *непрозрачности*? Израильские лидеры считают, что да. А. Козн не согласен с этим: она, по его мнению, все больше становится анахронизмом. Именно из-за этой политики, считает он, зашла в тупик деятельность созданной в 1991 г. в рамках Мадридского процесса многосторонней рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности, поскольку Израиль отказывается обсуждать в этой группе ядерный вопрос. А без продвижения в рассмотрении этого вопроса застопорится весь процесс ближневосточного урегулирования. И все же Израиль «[...] придется подойти к моменту истины в отношении своей ядерной программы»³¹.

Путь к постепенному отказу от политики *непрозрачности*, полагает А. Козн, лежит через переговоры о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ). Более того, по его мнению, «должным образом подготовленный договор о ЗПРМ» может дать Израилю ряд преимуществ: легитимизацию обладания оружием расщепляющимися материалами и, следовательно, ядерного статуса. Такого рода договор, если он не будет распространяться на имеющиеся запасы подобных материалов, устраивал бы Израиль, поскольку не затрагивал бы «бомбы и даже не требовал бы инвентаризации в прошлом произведенных оружейных материалов». Таким образом, «активное обсуждение договора о ЗПРМ неизбежно подтолкнет Израиль к выходу за пределы статуса непрозрачности»³². Подводя общий итог своим рассуждениям, А. Козн приходит к следующему выводу: «[...] Соображения как построения мира, так и укрепления демократии в Израиле требуют перехода страны к эре *прозрачности*»³³.

Ядерное сдерживающее средство Израиля. Переходя к вопросу о том, какого рода «ядерным сдерживающим средством» Израиль располагает в настоящее время, следует отметить, что ввиду проводимой им политики *непрозрачности* в области количества оружейного ядерного материала и ядерного оружия можно судить только по косвенным данным, основанным главным образом на расчете объема продукции Димонского реактора. По последним оценкам, Израиль произвел на этом реакторе со времени его ввода в эксплуатацию в начале 1964 г. от 391 до 687 кг оружейного плутония. Если исходить из того, что для одного боезаряда требуется 4 кг плутония, то в начале 2002 г. Израиль имел достаточно делящегося материала для производства 98–174 боезарядов. При более консервативной оценке (на основе 5 кг на один боезаряд) – 78–137 единиц³⁴.

Израиль располагает и средствами доставки ядерного оружия – ракетой *Иерихон-I*, имеющей дальность полета равной 500 км и способной нести боеголовку весом 500 кг, а также ракетой *Иерихон-II* дальностью 1500 км. Обе ракеты – твердотопливные и способны доставлять ядерные боезаряды. Первая ракета была изготовлена при содействии Франции и развернута в 1973 г., а вторая – в 1990 г. И та, и другая – наземного и железнодорожного базирования. Полагают, что на территории Израиля развернуто около ста ракет³⁵.

Кроме того, Израиль способен доставлять ядерные боеприпасы авиацией (*F-4E Phantom* и *F-16 Falcon*). Возможно, он располагает и ядерными артиллерийскими снарядами. Имеет Израиль и крылатые ракеты американского происхождения дальностью 120 км, способные доставлять боеголовки весом 220 кг (*Harpoon*). Сообщалось, что в мае 2000 г. недалеко от Шри-Ланки было проведено испытание крылатой ракеты дальностью 1500 км³⁶.

Наконец, Израиль имеет три дизельные подводные лодки немецкого производства, способные доставлять крылатые ракеты, в том числе и в ядерном оснащении³⁷. Таким образом, можно считать, что Израиль располагает полной ядерной триадой.

При содействии США Израиль развернул противоракетную систему *Arrow-II* южнее Тель-Авива для перехвата ракет типа *Scud*. Программа ПРО была начата еще в 1988 г., и ее поддерживает американское Агентство противоракетной обороны. К 2005 г. предполагается развернуть еще два района ПРО³⁸.

Ввиду осуществляемой Израилем атомной политики *непрозрачности* сведений о том, как организовано командование его ядерным арсеналом, в открытой печати не появлялось.

Рассмотрим, как развивались ядерные программы в других государствах Ближнего Востока.

ИРАК

Среди специалистов существует мнение, что Ирак, приступив к интенсификации атомных работ в середине 1970-х гг., уже тогда тайно вел дело к созданию ядерного оружия, хотя и присоединился к ДНЯО еще в 1969 г., а два его небольших исследовательских реактора – советский (пущенный в эксплуатацию в 1968 г.) и французский (1980 г.), а также строившийся более мощный французский реактор были поставлены под гарантии МАГАТЭ.

Как и в случае с Израилем, существенная помощь поступала из Франции. В ноябре 1975 г. премьер-министр Франции Ж. Ширак подписал в Париже соглашение с С. Хусейном об использовании атомной энергии в мирных целях, а в 1976 г. был заключен контракт на строительство двух исследовательских реакторов – «Таммуз-2» мощностью 500 КВт и «Таммуз-1» («Озирак») мощностью 40 МВт. В 1978 г. Ирак покупает в Италии лабораторию по химпереработке отработанного топлива³⁹.

Кроме того, в 1980–1981 гг. Ирак закупил необычно большое количество природного урана у Бразилии, Португалии, Нигера и Италии, хотя «Озирак» должен был работать на обогащенном уране.

Очевидным признаком военного направления иракской атомной программы стал тот факт, что реактор «Озирак» должен был иметь довольно большую мощность и, следовательно, мог нарабатывать значительные количества плутония. Как указывалось выше, еще не достроенный реактор был уничтожен израильской авиацией в июне 1981 г., до загрузки в него ядерного топлива, и это событие вызвало большой международный скандал и было осуждено ООН и МАГАТЭ. Налет был совершен полученными от США самолетами F-16. Сообщалось также, что Израиль имел доступ к разведывательной информации, полученной с американских спутников⁴⁰.

Создавая инфраструктуру для изготовления атомного (а также химического) оружия, иракское руководство предполагало обзавестись противовесом прежде всего израильскому ядерному оружию, но после начала войны с Ираном в 1980 г., продолжавшейся восемь лет, не в последнюю очередь целью иракцев было иметь оружие массового уничтожения и против Ирана, а также, возможно, и Турции. Известно, что в 1988 г. Ирак применял химическое оружие, в том числе и против своего курдского населения в ответ на поддержку им Ирана.

Еще до захвата Кувейта в 1990 г. и последовавших за этим событий Ирак по многим каналам пытался получить в ряде западных государств (ФРГ, США, Великобритании), а также в КНР различные материалы и оборудование, необходимые для организации производства ядерного оружия⁴¹. Сообщения о возможной иракской военной ядерной программе отчасти игнорировались в силу того, что в 1980-е гг. Ирак рассматривался рядом государств Запада в качестве главного противовеса расширению влияния Ирана.

В результате поражения Ирака в операции «Буря в пустыне» в 1991 г. и инспекционной деятельности созданной Советом Безопасности ООН специальной комиссии – ЮНСКОМ – и МАГАТЭ, осуществлявшейся по решению Совета Безопасности (резолюции 687 и 715), было выявлено и доказано, что Ирак проводил широкую программу по овладению ядерным оружием, а также другими видами оружия массового уничтожения. Согласно данным, установленным ЮНСКОМ, с 1982 г. Ирак форсированно осуществлял программу по обогащению урана до оружейного качества. При этом он пытался использовать практически все известные технологии, включая электромагнитное разделение изотопов, газовые центрифуги, лазерное разделение изотопов.

Все производственные мощности по получению ядерных материалов и созданию из них боезарядов по решению ООН были уничтожены или обезврежены. Обогащенный уран в форме свежего и облученного топлива вывезен из страны в Россию и находится под гарантиями МАГАТЭ. Соответствующие меры были осуществлены и в отношении других видов оружия массового уничтожения. За Ираком было оставлено право иметь баллистические ракеты дальностью не более 150 км (дабы они не могли достигать территории Израиля). В сентябре 1994 г. Генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс заявил, что Агентство завершило демонтаж иракской ядерной программы. В соответствии с решением Совета Безопасности, ЮНСКОМ в сотрудничестве с МАГАТЭ продолжала осуществление мониторинга в Ираке, с тем чтобы не допустить возрождения атомной и других программ, запрещенных ООН.

Однако в декабре 1998 г. С. Хусейн отказался предоставлять инспекторам неограниченный доступ без получения твердого обязательства отменить остающиеся санкции, применяющиеся против Ирака. В результате инспекторы вынуждены были покинуть Ирак. Через год – в декабре 1999 г. – Совет Безопасности принял новую Резолюцию – 1284, в соответствии с которой создавалась новая комиссия – ЮНМОВИК, но и она в течение длительного времени не могла возобновить инспекционную деятельность в сотрудничестве с МАГАТЭ.

Лишь после выступления президента США Дж. Буша в ООН 12 сентября 2002 г., в котором он пригрозил С. Хусейну, что при продолжении ситуации с отказом Ирака от выполнения решений ООН Соединенные Штаты могут предпринять односторонние действия с целью заставить Ирак соблюдать резолюции СБ ООН, Багдад заявил 16 сентября, что инспекторы ООН будут допущены в страну без каких-либо условий.

В подкрепление позиции администрации Дж. Буша Конгресс США принял резолюцию, предоставляющую Дж. Бушу полномочия на использование военной силы против Ирака, которая была подписана президентом 16 октября 2002 г. Следует также отметить, что еще в 1998 г. в одном из законов, принятых Конгрессом, содержался пункт о том, что «политика Соединенных Штатов должна быть направлена на то, чтобы добиваться отстранения режима С.Хусейна от власти и замены его демократическим правительством»⁴².

8 ноября 2002 г. Совет Безопасности единогласно принял Резолюцию 1441, согласно которой Ирак должен был в месячный срок представить «точную и полную» декларацию о своих программах в области оружия массового уничтожения, а инспекторы – получить незамедлительный и беспрепятственный доступ ко всем соответствующим местам, которые они пожелают проинспектировать, включая президентские дворцы, а также опросить всех лиц, которых они сочтут необходимым проинтервьюировать. Резолюция констатировала, что Ирак продолжает «серьезно нарушать» предыдущие резолюции Совета, но ему, в то же время, предоставляется последний шанс выполнить свои обязательства по разоружению. 19 ноября Ирак согласился выполнить Резолюцию, а 7 декабря предоставил Совету Безопасности требуемую декларацию объемом в 12 000 страниц.

Инспекторы ЮНМОВИК и МАГАТЭ вплоть до середины марта 2003 г. вели масштабную и интенсивную инспекционную деятельность в Ираке. Руководители обеих организаций Х. Бликс и М. Эльбарадей в своих периодических докладах Совету Безопасности констатировали, что никаких признаков возобновления атомной программы не обнаружено, в то время как в области ракетного и химического разоружения имеются отдельные недоработки. В частности, сохранилось некоторое количество ракет с дальностью, несколько превышающей 150 км, т.е. способных достигать территории Израиля. Это было нарушением прежних резолюций Совета Безопасности. По требованию ЮНМОВИК Ирак согласился уничтожить эти ракеты, и процесс их ликвидации начался.

Тем временем, несмотря на конструктивный характер действий иракской стороны, Соединенные Штаты при активной поддержке Великобритании стали сколачивать коалицию государств для осуществления карательной операции против Ирака и стягивать в район крупные военные силы. Настойчивые попытки США и Великобритании добиться принятия Советом Безопасности резолюции, санкционирующей вооруженное вторже-

ние в Ирак, успеха не имели, поскольку им не удалось набрать необходимое количество голосов в Совете. Франция, Россия, Китай и Германия объявили, что они будут голосовать против такой резолюции. В этих условиях администрация Дж. Буша не решилась ставить резолюцию на голосование, и 20 марта 2003 г. вооруженные силы США и Великобритании совершили нападение на Ирак без санкции Совета Безопасности.

Соединенные Штаты давно стремились свергнуть режим С. Хусейна. По данным Фонда Карнеги за международный мир, группа влиятельных должностных лиц и экспертов еще в 1991 г. высказывалась за то, чтобы не завершать операцию «Буря в пустыне» до свержения правительства Ирака. В 1992 г. П. Вулфовиц, занимавший тогда пост заместителя министра обороны по политическим вопросам (сейчас – первый заместитель министра), руководил подготовкой Руководства по оборонной политике, в котором содержался план превентивного военного вмешательства в Ирак для обеспечения «доступа к жизненно важным сырьевым материалам, прежде всего к нефти в районе Персидского залива». В документе предлагалось, чтобы США, в том случае, если не удалось бы сколотить коалицию государств, действовали в одиночку. В 1996 г. Р. Перл, Д. Фейт и Д. Вёрмсер, ныне занимающие высокие посты в администрации Дж. Буша⁴³, направили только что пришедшему к власти в Израиле правительству партии «Ликуд» предложение отказаться от политики переговоров с палестинцами на основе принципа «обмена территории за мир». «Израиль, – писали они, – может сформировать свое стратегическое окружение [...] путем ослабления, сдерживания и даже «отбрасывания» Сирии. Эти усилия могут быть сконцентрированы на удалении С. Хусейна от власти. [...] Будущее Ирака может круто изменить стратегический баланс на Ближнем Востоке». В 1998 г. 18 видных консерваторов, большинство из которых вошло в правительство Дж. Буша, – в том числе Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, Р. Армитедж, Дж. Болтон, Р. Перл, направили письмо Б. Клинтону с призывом «добиваться свержения режима С. Хусейна». Сразу же после 11 сентября 2001 г. П. Вулфовиц предлагал совершить нападение на Ирак, однако секретарь К. Пауэлл и Объединенный комитет начальников штабов высказали возражения. Тогда К. Пауэлл взял верх, но ненадолго⁴⁴.

Анализируя военную операцию в Ираке, ведущий специалист Фонда Карнеги по нераспространению Дж. Сиринсионе писал:

«Для ястребов в администрации Ирак только начало, а не конец. Ирак – старт плана по изменению всех режимов на Ближнем Востоке. «Существует колоссальный потенциал для перестройки региона, – считает Р. Перл. – Если такой тиран, как С. Хусейн, может быть низложен, то и другие (народы) начнут думать и действовать в направлении свержения тиранов, которые угнетают их»⁴⁵.

Представляется очевидным, что Соединенные Штаты, предпринимая военную операцию против Ирака, руководствовались отнюдь не официально объявленной целью уничтожения там ядерного и других видов оружия массового уничтожения и не только задачей свержения правительства С. Хусейна, а гораздо более широкими геополитическими и экономическими интересами, простирающимися и за пределы этого региона.

За сравнительно быстрое завершение военной стадии операции в Ираке начался длительный и крайне сложный процесс внутреннего обустройства Ирака. Администрация Дж. Буша, несомненно, будет стремиться к тому, чтобы конечным результатом было создание в стране режима, основанного на началах, приемлемых в первую очередь для США. Но как бы ни пошел и ни закончился этот процесс – об этом пока можно только гадать, поскольку он займет не один год, – в любом случае в общих интересах и данного региона, и всего международного сообщества (конечно, в том числе России) – использовать все имеющиеся возможности, чтобы содействовать успешному политическому урегулированию в регионе, непременно включающему обеспечение нераспространения ОМУ и контроль над вооружениями.

Что касается возможности сохранения на территории Ирака оружия массового уничтожения, явившегося формальным поводом для оккупации страны, то оккупирующие державы – США и Великобритания – на данный момент ничего там не обнаружили. 22 мая 2003 г. Совет Безопасности принял Резолюцию 1483, в которой подтвердил, что «Ирак

должен выполнить свои обязательства в области разоружения». В Резолюции также говорилось, что Совет «побуждает» США и Великобританию «регулярно информировать Совет о своей деятельности в этом отношении», и заявлялось о «намерении Совета вновь рассмотреть» мандаты ЮНМОВИК и МАГАТЭ, предусмотренные резолюциями СБ 687, 1284 и 1441. 5 июня Совет заслушал доклад⁴⁶ председателя ЮНМОВИК Х. Бликса, который заявил, что до начала военных действий в Ираке и выезда из страны инспекторов комиссия не обнаружила данных, свидетельствующих о «продолжении или возобновлении» программ создания оружия массового уничтожения или значительных количеств запрещенных предметов, например, ингредиентов, используемых для производства биологических или химических агентов. Х. Бликс объявил, что он уходит в отставку, но ЮНМОВИК остается в состоянии готовности для возобновления своей деятельности в Ираке. Представитель США заявил, однако, что его правительство не видит необходимости в том, чтобы инспекторы ООН возобновили свою работу в Ираке.

ИРАН

С конца 1960-х гг. в ядерном центре Тегеранского университета действует поставленный Соединенными Штатами исследовательский реактор мощностью 5 МВт, изначально работавший на высокообогащенном уране, степень обогащения которого была в дальнейшем снижена с 93 до 20 процентов. Менее обогащенный уран поставляет Аргентина. США предоставили также «горячие камеры» для выделения небольших количеств плутония из облученного топлива. Кроме того, имеются реакторы нулевой и подкритической мощности, поставленные Китаем. Иран подписал ДНЯО в 1968 г. и ратифицировал его в начале 1970 г. Иранские ядерные объекты находятся под гарантиями МАГАТЭ.

До революции 1979 г., при шахском режиме, Иран имел самую грандиозную ядерную программу на Ближнем Востоке, предусматривавшую строительство, при поддержке западных государств, свыше 20 энергетических реакторов. В 1970-х гг. Иран заключил с немецкой фирмой «Siemens KWU» соглашение о сооружении в Бушере двух энергоблоков мощностью 1300 МВт каждый. К приходу к власти в 1979 г. аятоллы Р. Хомейни реакторы были построены соответственно на 80 и 65–70 процентов, однако во время ирано-иракской войны они были сильно повреждены в результате бомбардировок иракской авиацией. После окончания войны Германия под давлением США отказалась от продолжения строительства реакторов.

В августе 1992 г. было подписано российско-иранское Соглашение об использовании атомной энергии в мирных целях, а в январе 1995 г. между производственным объединением «Зарубежатомстрой» и Организацией по атомной энергии Ирана был подписан контракт на завершение строительства первого блока АЭС «Бушер» мощностью 1000 МВт. Ожидается, что энергоблок вступит в строй в 2004–2005 гг. В сентябре 2002 г. иранское руководство объявило о планах строительства в течение ближайших 20 лет АЭС общей мощностью 6000 МВт.

Российско-иранское соглашение о первом блоке АЭС «Бушер» полностью отвечает требованиям Договора о нераспространении и системы гарантий МАГАТЭ. Более того, предусматривается, что отработанное топливо будет возвращаться в Россию. Однако Соединенные Штаты неоднократно высказывали возражения против российско-иранского сотрудничества в атомной области со ссылкой на якобы имеющиеся у иранского руководства ядерные амбиции⁴⁷. Российской стороной не раз подчеркивалось, что сотрудничество с Ираном по строительству АЭС осуществляется в полном соответствии с международными обязательствами России в области ядерного нераспространения. Указывалось и на необходимость подготовки местных кадров для безопасной эксплуатации АЭС. Обращалось внимание на недопустимость применения двойных стандартов, когда, в частности, для КНДР, по Рамочной договоренности между США и Северной Кореей 1994 г., началось строительство примерно такого же типа легководных энергетических реакторов.

В первой половине 1990-х г. Иран добивался поставки из России оборудования для строительства газоцентрифужного завода, и занимавший тогда пост министра РФ по

атомной энергии В.Н. Михайлов в предварительном порядке даже согласился включить в Протокол о намерениях, подписанный с Ираном в январе 1995 г., заключение контракта на сооружение центрифужного завода, урановой шахты и обучение в России иранских специалистов, однако в дальнейшем Россия отказалась от реализации подобной сделки. В связи с возражениями США против российско-иранского сотрудничества в ядерной области, заявленного в ходе саммита в мае 1995 г. и последующей встречи В.С. Черномырдина и А. Гора американской стороне было разъяснено, что Протокол носит сугубо рабочий характер и не одобрялся правительством. Эти предварительные договоренности исключены из сотрудничества с Ираном.

Многочисленные аналитические разработки, посвященные намерениям Ирана создать собственное ядерное оружие, страдают от недостатка проверенной информации и поэтому не могут претендовать на вескую достоверность. Несмотря на многолетние дебаты вокруг российско-иранского атомного сотрудничества и строительства АЭС в Бушере, до сих пор никто не смог дать четкого ответа на вопрос, действительно ли Иран идет к созданию собственной ядерной бомбы, или же его намерения ограничиваются развитием мирного сектора своей атомной энергетики⁴⁸.

Ответ на этот вопрос, однако, весьма важен, прежде всего в силу того, что Иран является крупным южным соседом России. Возникновение реального порогового государства в непосредственной близости от России, да еще с неизменно труднопредсказуемым руководством этой страны, означало бы появление новой угрозы ее безопасности. Осложнило бы это и процесс ближневосточного урегулирования. С учетом указанных обстоятельств Россия не может не рассматривать Иран скорее в качестве своего партнера в регионе. Развитие добрососедских связей с этой страной и российское присутствие там имеют большое значение из-за непростых отношений с Турцией и исходя из целесообразности недопущения возможных попыток Тегерана распространить свое влияние на Центральную Азию, которую Россия продолжает рассматривать как зону своих жизненно важных интересов. Следует также иметь в виду, что до сих пор не урегулирован правовой статус Каспийского моря, в отношении которого интересы России и Ирана пока противоположны.

При оценке долгосрочных планов Ирана в ядерной области все же нельзя не учитывать и того, что Иран не скрывает и официально признает, что ведет курс на овладение полным ядерным топливным циклом, включая технологию переработки отработанного ядерного топлива⁴⁹, на что он, впрочем, по Договору о нераспространении формально имеет право. В феврале 2003 г. Иран объявил, что разрабатывает залежи урановой руды в провинции Йезд. В декабре 2002 г. Пентагон на основании информации, полученной со спутников, сообщил, что вблизи Эрака в центральной части Ирана строится установка по производству тяжелой воды⁵⁰.

По приглашению иранского правительства Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей с группой экспертов Агентства 21–22 февраля 2002 г. посетил завод по обогащению урана, строящийся в Натанзе (в 200 милях южнее Тегерана), на котором действует пилотная установка по газоцентрифужному обогащению, и встречался с президентом Ирана М. Хатами. Эльбарадей призвал иранское руководство присоединиться к Дополнительному протоколу о гарантиях Агентства, который давал бы Агентству право инспектировать не только заявленную, но и *незаявленную* ядерную деятельность. Иран, однако, пока уклоняется от участия в Протоколе. В то же время, как официально сообщило Агентство, «иранское правительство согласилось впредь предоставлять заблаговременно информацию о конструкции любых новых ядерных установок»⁵¹.

По данным сотрудников МАГАТЭ и информации, полученной от американских официальных лиц, на обогатительном предприятии в Натанзе уже установлено 160 центрифуг, собирают еще 1000, а всего к 2005 г. будет сооружен каскад из 5000 центрифуг. Как считают некоторые западные эксперты, этот каскад центрифуг позволит нарабатывать ВОУ для двух взрывных устройств в год. Сооружение завода началось в 2000 г. на основе пакистанской модели, усовершенствованной иранцами. В перспективе в строящихся помещениях может быть размещено свыше 50 000 центрифуг⁵².

Обращает на себя внимание тот факт, что, активно развивая ракетную программу, Иран располагает примерно 450 баллистическими ракетами типа *Scud* (иранское название *Шехаб-1* и 2) дальностью от 300 до 500–600 км и испытал баллистическую ракету *Шехаб-3* на основе северокорейской технологии, имеющую дальность 1300 км и забрасываемый вес 750 кг. Были сообщения, что разрабатывается ракета *Шехаб-4* дальностью 2000 км, способная нести боеголовки весом 1000 кг. Обе ракеты могут достигать территории Израиля⁵³. Наконец, имелись сведения о возможной разработке межконтинентальной баллистической ракеты *Шехаб-5* дальностью 10 000 км⁵⁴.

В середине июня 2003 г. Совет управляющих МАГАТЭ рассмотрел доклад Генерального директора Агентства относительно осуществления соглашения о гарантиях с Ираном⁵⁵. В докладе констатировалось, что Иран не выполнил ряд положений своего Соглашения о гарантиях и системы гарантий Агентства. Так, он не информировал своевременно об импорте 1,8 т природного урана (из Китая) в 1991 г. и о направлении его на переработку, в том числе в металлический уран; об установках для переработки и хранения; о конструкции новых установок, как это требуется решением Совета от 1992 г., а также о намерении построить тяжеловодный исследовательский реактор. Иран совершил и некоторые другие упущения, в связи с чем в докладе была высказана «озабоченность» и заявлено, что Агентство продолжает выяснять ряд вопросов, относящихся к иранской ядерной программе. В частности, все еще остаются вопросы, касающиеся сооружения тяжеловодного реактора и «роли металлического урана в ядерном топливном цикле Ирана». В докладе содержится настойчивый призыв к Ирану заключить с МАГАТЭ Дополнительный протокол о гарантиях⁵⁶.

По итогам рассмотрения доклада Генерального директора Агентства председатель Совета управляющих посол Кувейта Н. Аль-Мулла с *единодушного* согласия его членов (т.е. с согласия в том числе США, России и самого Ирана) 19 июня 2003 г. сделала заявление от имени Совета, в котором приветствовалась «готовность Ирана к позитивному рассмотрению вопроса о подписании и ратификации Дополнительного протокола» и содержался настойчивый призыв к стране «немедленно и безусловно заключить и выполнить Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях». В заявлении председателя прозвучало также обращение к Ирану «в качестве меры по укреплению доверия не загружать ядерный материал в пилотную установку по обогащению». Совет предложил Генеральному директору представить дальнейший доклад, когда это будет сочтено целесообразным⁵⁷. Совет управляющих, таким образом, не констатировал нарушения Ираном ДНЯО и Соглашения о гарантиях, но подтвердил свое твердое намерение внимательно отслеживать деятельность Ирана в ядерной области.

Из всех приведенных фактов с очевидностью следует, что в Иране идет интенсивный процесс создания инфраструктуры полного ядерного топливного цикла. Тем не менее, пока неясно, приняло ли иранское руководство и примет ли в обозримом будущем решение о создании собственного ядерного оружия. Главной потенциальной угрозой для безопасности Ирана продолжает оставаться ядерный арсенал Израиля, за которым стоит ядерная мощь Соединенных Штатов. Но Тегеран, при рациональном подходе к оценке геостратегических реалий, не может не учитывать, что появление у него даже небольшого запаса ядерных боезарядов может спровоцировать превентивные действия Израиля и США. Иранское руководство должно будет принять во внимание и тот факт, что решение о производстве ядерного оружия неизбежно приведет к осложнению и даже к прекращению сотрудничества с Россией в завершении строительства АЭС в Бушере, к отказу Москвы от поставок ядерного топлива и к разрыву отношений также в других областях, имеющих особое значение для Ирана.

С другой стороны, иранские националисты, очевидно, будут усматривать в ядерном оружии гарантию независимости, самодостаточности, престижа и равноправия Ирана с другими крупными державами и цивилизациями. Так или иначе, с точки зрения логики и здравого смысла принятие решения о создании Ираном ядерного сдерживающего средства не может не быть делом весьма трудным⁵⁸. Остальной же мир, безусловно, за-

интересован в том, чтобы такое решение принято не было. Наиболее оптимальный путь к этому – отказ всех стран ближневосточного региона, включая Иран, от всех видов оружия массового уничтожения.

АЛЖИР

Франция проводила на территории Алжира ядерные испытания начиная с 1960 г. и даже после того, как он обрел независимость в 1962 г. Испытательный полигон был переведен на принадлежащие Франции острова в Тихом океане только в 1966 г. Начало алжирской атомной программы относится к концу 1980-х гг. В 1985 г. Алжир приобрел у Аргентины небольшой реактор «Нур» мощностью 1 МВт, который был пущен в эксплуатацию в 1989 г. и поставлен под гарантии МАГАТЭ. В нем используется уран 19,7-процентного обогащения.

В начале 1991 г. стало известно, что Алжир покупает реактор мощностью 15 МВт у Китая, работающий на низкообогащенном (3%) уране с тяжеловодным замедлителем. При этом было обращено внимание на то, что градирни для охлаждения воды будут столь крупного размера, что это позволило бы увеличить мощность реактора до 60 МВт. Кроме того, в районе этого реактора, Ас-Саям, размещались средства ПВО, что вызывало подозрения в том, что он может быть в дальнейшем использован для наработки плутония. Однако в мае 1991 г. Алжир решил поставить строящийся реактор под гарантии Агентства. Он вступил в строй в декабре 1993 г., а в начале 1995 г. Алжир присоединился к Договору о нераспространении и в марте 1996 г. заключил с Агентством Соглашение о всеобъемлющих гарантиях. Некоторые эксперты объясняют это решение тем, что фактически ведущаяся в Алжире гражданская война вынуждала его искать поддержки со стороны Франции и других западных держав.

С помощью Китая были построены «горячая» лаборатория и подземные хранилища для отработанного топлива. Они находятся под гарантиями МАГАТЭ. На юге Алжира имеются залежи урановой руды. Хотя в принципе Алжир в состоянии набирать небольшие количества плутония, каких-либо особых опасений в плане распространения атомная деятельность этой страны в настоящее время не вызывает.

ЛИВИЯ

С начала 1970-х гг. Ливия стала проявлять интерес к овладению ядерным оружием. По сообщениям СМИ, она даже пыталась приобрести такое оружие у КНР, но получила отказ. В дальнейшем, как считают некоторые эксперты, она предпринимала попытки заполучить атомное оружие у Пакистана⁵⁹.

После присоединения страны к Договору о нераспространении Советский Союз поставил Ливии исследовательский реактор мощностью 10 МВт, работающий на уране 80-процентного обогащения. Реактор был введен в эксплуатацию в Тажуре в 1979 г. Для полной уверенности в том, что реактор используется исключительно в мирных целях, Советский Союз настоял на том, чтобы, помимо применения гарантий МАГАТЭ, в Тажуре находились и советские специалисты.

В середине 1970-х гг., когда резко поднялись цены на нефть, ливийское руководство понамерилось вести самостоятельный курс на создание военной атомной программы и с этой целью располагать полным ядерным топливным циклом на базе тяжеловодного реактора на природном уране. С просьбой оказать содействие в этом оно обратилось к Советскому Союзу, который на первых порах проявлял интерес к сделке, поскольку ливийцы называли покупную цену порядка 10 млрд долл. Внутри советского руководства имели место разногласия (МИД возражал против этой чреватой большими опасностями и крупным международным скандалом сделки), но в конце концов разумный подход возобладал, да и ливийская казна с окончанием мирового нефтяного кризиса иссякла.

В октябре 1997 г. Россия возобновила переговоры о ядерном сотрудничестве с Ливией, и в марте 1998 г. «Атомэнергоэкспорт» подписал контракт на сумму 8 млн долл., предусматривавший частичное восстановление научно-исследовательского центра в Тажуре. Как сообщалось, обсуждалась также возможность строительства АЭС⁶⁰.

ЕГИПЕТ

Египет обладает двумя ядерными установками. Реактор ETRR-1, поставленный Советским Союзом, является легководным, его мощность составляет 2 МВт и в нем используется урановое топливо 10-процентного обогащения. Реактор, введенный в эксплуатацию в 1961 г., предназначен главным образом для получения изотопов. В 1980-х гг. он был модернизирован и в 1990 г. вновь вступил в строй. Кроме того, имеется исследовательская лаборатория, поставленная Канадой, которая используется для изготовления топливных элементов. В 1992 г. Египет подписал с Аргентиной соглашение о строительстве исследовательского реактора мощностью 20–22 МВт. Реактор вступил в строй в 1998 г. Вся ядерная деятельность Египта находится под гарантиями МАГАТЭ.

СИРИЯ

В Сирии функционирует небольшой (30 КВт) реактор, поставленный Китаем, который используется для производства радиоизотопов и в учебных целях. Он загружен урановым топливом 90-процентного обогащения. В 1998 г. между сирийской комиссией по атомной энергии и российскими организациями – «Атомстройэкспортом» и Научно-исследовательским и конструкторским институтом энерготехники имени Н.А. Доллежала (НИКИЭТ) была достигнута договоренность о сооружении в Сирии Центра ядерных исследований на базе легководного реактора бассейнового типа мощностью 25 МВт. В январе 2003 г. в израильских СМИ появились сообщения о якобы достигнутом соглашении о строительстве Россией АЭС в Сирии. Однако официальный представитель МИД РФ опроверг эти сообщения.

Сирия располагает несколькими сотнями ракет типа *Scud* дальностью около 500 км и химическим оружием⁶¹.

ИОРДАНИЯ

Официальным представителем правительства страны было объявлено, что в Иордании сооружается исследовательский реактор малой мощности (27 КВт).

УЧАСТИЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В СОГЛАШЕНИЯХ ПО ОМУ

Все страны Ближнего Востока, от Алжира до Ирана, за исключением одного лишь Израиля, являются участниками *Договора о нераспространении ядерного оружия*, и их атомная деятельность находится под гарантиями МАГАТЭ.

Участниками *Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия* являются Алжир, Бахрейн, Иордания, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Тунис. Израиль подписал Конвенцию, но не ратифицировал ее. Не подписали Конвенцию: Египет, Ирак, Ливан, Ливия и Сирия, мотивируя это тем, что Израиль отказывается от участия в ДНЯО.

Участниками *Конвенции о запрещении и уничтожении биологического и токсинного оружия* являются Бахрейн, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливия, Оман, Саудовская Аравия, Тунис. Подписали, но не ратифицировали Конвенцию Египет, ОАЭ и Сирия. Не подписали – Алжир и Израиль.

О РОЛИ И РЕАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Практически все израильские политики сходятся в том, что «ядерное сдерживающее средство» является безусловной необходимостью и неременной предпосылкой для выживания израильского государства в обстановке враждебного окружения арабских государств. Так ли это и насколько обоснованы суждения на этот счет израильских стратегов и тех, кто их поддерживает?

Сдерживание, писал израильский аналитик, профессор Дж. Стайнберг, на основе исследования курса политического и военного руководства страны, является «сердцевинной» политики Израиля в течение последних 50 лет. Стратегию «сдерживания посредством наказания» Израиль, по его мнению, взял на вооружение после войны 1948 г. При первом премьер-министре страны Б. Гурионе началось создание «ядерного сдерживающего средства», и «ядерная политика, разработанная в 1950-х гг. в качестве основы для сдерживания экзистенциальных нападений (на Израиль), включающая политику преднамеренной неопределенности или двусмысленности, существенных изменений с тех пор не претерпела». Дж. Стайнберг считает, что такая политика исходит из того, что «сдерживание необходимо для того, чтобы компенсировать наличие у израильского государства небольшой территории, отсутствие стратегической глубины, структурные дисбалансы в регионе и уязвимость при нападении с использованием и конвенционального, и неконвенционального оружия». Что касается утверждений, будто Израиль разработал тактическое ядерное оружие и стратегию для его применения в конфликтах ограниченного масштаба, добавляет Дж. Стайнберг, то это «не подтверждается имеющимися данными». С тех пор (т.е. с 1950-х гг.), считает он, упор на стратегическое сдерживание только возрос⁶².

Так, начальник штаба израильских вооруженных сил Э. Барак, который в 1999 г. занимал пост премьер-министра страны, заявил, что «ядерная политика Израиля, как ее должны представлять себе арабы, не изменилась, не изменится и не может измениться, поскольку это – фундаментальная позиция, необходимая для выживания всех последующих поколений»⁶³.

Израильские аналитики в то же время признают, что сама география и вся стратегическая специфика ближневосточного региона ставят под вопрос реальность и убедительность ядерного сдерживания. Тот же Дж. Стайнберг считает, что существуют «риски и сложности, имманентно присущие развитию системы надежного сдерживания на Ближнем Востоке»⁶⁴.

На основе анализа конфликта между Израилем и арабскими странами после появления у него ядерного сдерживающего средства – шестидневной войны 1967 г. – А. Козн приходит к заключению, что «наиболее важным уроком (этой войны) является неприменимость ядерного оружия для Израиля почти во всех военных ситуациях [выделено мной. – Р.Т.]». Далее он пишет: «Ситуация в мае 1967 г. (т.е. перед началом войны) продемонстрировала неразрешимый характер израильской ядерной дилеммы: с одной стороны, Израиль не может не реализовывать сделанный им ядерный выбор (т.е. использование этого оружия в качестве последнего средства), но, с другой стороны, не может он и использовать это оружие (в обстоятельствах, не требующих применения его в качестве последнего средства). Любая попытка найти способ военного применения ядерного оружия даже в контексте войны 1967 г. оказывается тщетной»⁶⁵.

В ходе войны 1973 г. израильское «ядерное сдерживающее средство» также не играло какой-либо роли. Египет и Сирия начали военные действия против Израиля на Синайском полуострове и Голанских высотах без оглядки на то, что у израильтян к этому времени уже было ядерное оружие. Если и говорить о возможности какого-либо воздействия ядерного фактора на исход этой войны, то только в связи с тем, что президент Соединенных Штатов Р. Никсон уже на ее заключительном этапе отдал приказ о приведении в состояние боевой готовности всех американских вооруженных сил, включая и стратегические, «в качестве меры предосторожности» под тем предлогом, что советское руководство будто бы намеревалось направить в регион свои войска для оказания

помощи арабам. В ответ было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что американская акция была предпринята, очевидно, с целью запугать Советский Союз, но те, кто стоит за ней (имя Р. Никсона упомянуто не было), «выбрали не тот адрес». Инцидент вскоре был исчерпан⁶⁶.

Если же подвергнуть анализу события 1990–1991 гг., когда Ирак вторгся в Кувейт, а затем ведомая Соединенными Штатами антииракская коалиция осуществляла операцию «Буря в пустыне», то и здесь можно сделать вывод, что израильское ядерное сдерживающее средство вряд ли играло сколько-нибудь заметную роль до начала и во время всего этого конфликта. Безопасность Израиля тогда обеспечивалась действиями американских вооруженных сил, располагавших самыми современными видами обычных вооружений. Какой-либо необходимости не только в применении, но даже в серьезной угрозе применения ядерного оружия просто не возникало.

Известно, что С. Хусейн уже на вторые сутки после начала операции «Буря в пустыне» сделал то, о чем предупреждал за несколько месяцев до этих событий, – нанес ракетный удар по Израилю. В тот день по Тель-Авиву и Хайфе было выпущено 7 ракет, на следующий – еще 4. Это, конечно, была очень опасная провокация, граничащая с началом войны на полное уничтожение. При этом в тот период отношения между правительством И. Шамира и администрацией Дж. Буша-старшего были далеко не безоблачными. В Израиле негодовали по поводу того, что при Дж. Буше Соединенные Штаты не наложили в Совете Безопасности вето на несколько резолюций с осуждением Израиля за насилие над палестинскими арабами. Не все шло гладко и в сфере военного сотрудничества. Заранее направленные американским президентом в Израиль первый заместитель госсекретаря Л. Иглбергер и заместитель министра обороны П. Вулфовиц не смогли получить от И. Шамира заверение в том, что Израиль воздержится от обезоруживающего ответного удара в случае иракского ракетного нападения. Но в итоге американо-израильское стратегическое партнерство, как и следовало ожидать, выдержало проверку временем. Да иначе и быть не могло.

В Москве также исходили из того, что Израиль должен оставаться вне военного конфликта, что бы ни происходило. Вступление Израиля в войну было бы чревато последующим втягиванием в нее других арабских государств, а по перспективам арабо-израильского урегулирования, заняться которым Советский Союз стремился сразу же после освобождения Кувейта, был бы нанесен тяжелейший удар.

Правительство И. Шамира находилось под сильнейшим давлением израильского общественного мнения, особенно со стороны военных, требовавших ответить ударом на удар. Но Израиль медлил с ответной акцией возмездия. Как считает А.М. Белоногов, занимавший тогда пост заместителя министра иностранных дел СССР и курировавший «ближневосточный вопрос», медлил И. Шамир потому, что давление на правительство внутри страны уравновешивалось не менее сильным давлением со стороны тех, кто не хотел допустить втягивания Израиля в эту войну, прежде всего Соединенных Штатов. В конечном счете израильский лидер все же удержался от ответного удара, хотя по Израилю было выпущено около 40 иракских ракет, жертвами пуска которых стало примерно сто человек. Будь эти ракеты точнее, жертв могло бы оказаться много больше⁶⁷.

Со своей стороны, Ирак не воспользовался имевшимися у него возможностями применить против Израиля химическое оружие. В апреле 1990 г., еще до вторжения в Кувейт, С. Хусейн декларировал, что его страна обладает химическим оружием, и спустя несколько дней, принимая американских сенаторов, заявил, что «если Израиль нанесет удар (по Ираку) атомным оружием, то мы применим бинарное химическое оружие»⁶⁸.

В целом следует признать, что, несмотря на значительное участие внешних сил в удержании Израиля от применения в ходе конфликта 1990–1991 гг. своего ядерного сдерживающего средства, этот пример наглядно показывает, что роль ядерного оружия в этом регионе является достаточно иллюзорной, может быть, даже призрачной. Данный регион определенно отличается по многим параметрам и критериям от других регионов мира, где ядерное сдерживание может и на деле играет определенную роль, например, от Южной Азии (другое дело, что при наличии там территориального, религиозного и этни-

ческого конфликта всегда существует опасность того, что сдерживание может выйти из-под контроля).

Мы склонны полагать, что сдержанность израильского руководства в этом отношении определялась целой комбинацией факторов, в том числе и сознательно проводимой им политикой *непрозрачности*, которая, по всей вероятности, была выбрана с дальним прицелом на то, чтобы всегда оставалась возможность денуклеаризации без больших потерь, а ведь очевидно, что такой поворот событий рано или поздно может стать необходимым для окончательного урегулирования ближневосточной проблемы и выживания и сохранения израильского государства в условиях гарантированного мира. К тому же Израиль не может не быть заинтересован в сохранении международного режима ядерного нераспространения, поскольку он в какой-то мере все же может сдерживать ядерные устремления арабских государств.

Характерно, что именно Соединенные Штаты, а не Израиль, дали достаточно ясный сигнал Ираку, что дело может дойти до применения ядерного оружия в ответ на использование им против Израиля химического или биологического оружия. Как сообщали различные СМИ, госсекретарь США Д. Бейкер передал министру иностранных дел Ирака Т. Азизу в Женеве послание для С. Хусейна, в котором содержалось прямое предупреждение об этом. Иракский министр ознакомился с ним, но не взял с собой, оставив его на столе после беседы с Д. Бейкером. Подобное предупреждение С. Хусейну было сделано и занимавшим тогда пост министра обороны Р. Чейни.

Анализируя развитие событий вокруг «израильского ядерного сдерживающего средства» до начала и в период войны в Персидском заливе, израильские аналитики по-прежнему задаются вопросом, какую же роль в этом конфликте сыграло сдерживание. Подытоживая их мнения, Дж. Стайнберг формулирует такие выводы: «израильская реакция была и остается двусмысленной»; «хотя роль ядерного сдерживания не может быть сброшена со счета, этот фактор невозможно отделить от других при оценке результатов»; «имеют место имманентные источники нестабильности во взаимоотношениях взаимного сдерживания между Израилем и Ираком»; «стратегия, основанная на сдерживании, является чрезвычайно рискованной»⁶⁹.

Чтобы быть достаточно убедительным или, как говорят некоторые эксперты, «кредитоспособным», т.е. чтобы ядерное сдерживающее средство на деле могло содействовать удержанию конфликта между сторонами в определенных рамках, не позволяя ему перерасти в полномасштабный военный катаклизм, оно должно предполагать реальные сценарии применения ядерного оружия как с точки зрения стороны, располагающей этим средством, так и другой стороны или сторон. В противном случае ядерное сдерживание будет рассматриваться как пустой блеф. Однако достаточно трудно представить, какие возможные сценарии использования ядерного сдерживающего средства существуют на деле.

Как видно из рассмотренных выше конкретных ситуаций 1967, 1973 и 1990–1991 гг., ядерное сдерживание в этих ситуациях практической роли не играло. Почему? В первую очередь потому, что размеры территории ближневосточного региона таковы, что оружие массового уничтожения, прежде всего ядерное, учитывая масштабы производимых им разрушений, не может не нанести неприемлемый ущерб в случае его применения *всем* сторонам конфликта – как стороне, которая может быть потенциально подвергнута нападению, так и стороне нападающей. Конечно, всегда остается возможность применения этого оружия в качестве *крайнего, последнего* средства, но это неизбежно приведет не только к уничтожению противника, но и к самоуничтожению. Трудно, невозможно предположить, что кто-либо и когда-либо на это пойдет. В этом своеобразии ядерного сдерживания в ближневосточном регионе состоит, как нам представляется, коренное отличие этого региона от других регионов мира.

В последнее время появился и такой новый фактор, как усиливающийся рост опасности терроризма. Являются ли события 11 сентября 2001 г. вспышкой острой вражды между исламским экстремизмом и христианским миром? Думается, это одна из причин. Но есть и другие. Затянувшийся более чем на 50 лет ближневосточный конфликт не мог не

послужить «питательной средой» для особо острой и драматической волны международного терроризма, развернувшейся в последнее время. Нельзя не учитывать тот факт, что представители некоторых религий и этносов скорее, чем другие, идут на самопожертвование в интересах достижения своих целей. В данном регионе это – арабские шахиды. Неужели это не может не влиять на то, что ядерное сдерживающее средство на Ближнем Востоке приобретает скорее виртуальный характер, чем является реальным фактором сдерживания возможных агрессивных устремлений тех или иных государств?

Впрочем, среди израильских аналитиков имеются и такие, которые считают, что ядерное оружие играет, как писал, в частности, Ш. Фелдман, «стабилизирующую» роль в данном регионе, что, на наш взгляд, не подтверждается реальными фактами многолетнего вооруженного конфликта, приведшего к нескольким кровопролитным войнам. Мы не можем согласиться и с тем его утверждением, что более обширные территории некоторых арабских государств, например Египта, не делают их менее уязвимыми, чем Израиль, несмотря на его «весьма малые размеры»⁷⁰.

С учетом всего сказанного выше, нельзя не прийти к выводу, что «ядерное сдерживающее средство» в этом регионе играет по большей мере чисто психологическую роль, необходимую израильскому руководству и военно-политической элите Израиля главным образом для того, чтобы вселить определенную уверенность в настроения общественного мнения израильтян, создавая ощущение, что страна имеет надежную защиту на случай угрозы ее существованию. По данным опросов общественного мнения, большинство населения Израиля выступает за обладание ядерным оружием, однако за последнее время процент сторонников ядерного вооружения стал сокращаться. Если в начале и середине 1990-х гг. число «адвокатов» ядерного оружия превышало 90%, то в 1999 г. оно сократилось до 82%⁷¹. По всей видимости, в израильском военно-политическом руководстве существует расчет и на то, что обладание ядерным арсеналом может произвести определенное впечатление на менее просвещенные круги населения в арабских государствах.

Видимо, только в этом и может заключаться смысл израильского «ядерного сдерживания». На деле же безопасность Израиля обеспечивается прежде всего его основным стратегическим партнером – Соединенными Штатами, но не только им. Многие другие государства, в том числе Россия, не могут не быть заинтересованы в дальнейшем безопасном существовании государства Израиль в условиях ближневосточного урегулирования, в равной мере удовлетворяющего как сам Израиль, так и арабское население Палестины и арабские государства, и в интересах построения там прочного мира, что непременно включало бы освобождение Ближнего Востока от существующего ядерного оружия и исключало бы возможность проявления ядерных амбиций во всех странах региона.

На протяжении 30–35 лет Израиль располагает атомной монополией в ближневосточном регионе, и в течение практически всего этого периода арабские страны, с одной стороны, добиваются превращения Ближнего Востока в регион, свободный от ядерного оружия, т.е. отказа Израиля от этого оружия под международным контролем, а с другой (в случае нежелания Израиля пойти по этому пути) – пытаются противопоставить израильскому ядерному потенциалу свой, арабский. В этом направлении работали, работают и, очевидно, будут и дальше работать, по крайней мере, такие страны, как Сирия, Ливия, а также Иран. Не исключено, что к этому списку со временем могут присоединиться и другие государства данного региона. Израильский ядерный потенциал постоянно провоцирует другие страны региона на создание собственного оружия массового уничтожения, а это, в свою очередь, неизбежно способствует втягиванию многих других государств мира в конфликт, обостряет отношения между ними, что особенно ярко проявилось в случае с Ираком.

На стороне Израиля мощная поддержка Соединенных Штатов, которые там считаются гарантом безопасности. В 1998 г., как сообщалось в печати, между Израилем и США было подписано Соглашение, согласно которому последние взяли на себя недвусмысленное обязательство быть протектором обороны Израиля и его «сдерживающего средст-

ван⁷². Это – наглядный пример избирательного отношения США к вопросам ядерного нераспространения.

На сегодняшний день американский фактор является решающим, но это ничуть не может помешать и не помешает тем или иным государствам Ближнего Востока исподволь овладевать атомной технологией и готовить кадры на будущее. Вся история ближневосточного конфликта неопровержимо свидетельствует в пользу реального развития такого сценария. Нельзя сбрасывать со счета и то обстоятельство, что некоторые страны и, в особенности, частные фирмы и организации как Запада, так и Востока из экономических или каких-либо других соображений могут помогать странам региона путем поставок оборудования и материалов, а также передачи технологий, причем в полном соответствии с положениями статьи IV Договора о нераспространении ядерного оружия и Руководящими принципами Группы ядерных поставщиков (ГЯП), а, может быть, даже и в нарушение этих обязательств. К тому же далеко не все реальные или потенциальные поставщики (например, Китай, Индия, Пакистан) являются участниками ГЯП. Невозможно также исключать и того, что та или иная страна региона сможет самостоятельно создать установки (например, по обогащению урана или наработке плутония), которые заложат основу для изготовления ядерного оружия. Поэтому трудно переоценить значение нахождения результативных подходов к урегулированию атомной проблемы на Ближнем Востоке для безопасности этого региона и мира в целом.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Существуют ли реальные перспективы решения данной проблемы и предпринимаются ли какие-либо шаги в этом направлении? Рассмотрим некоторые возможные сценарии решения ближневосточной проблемы.

Создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), или зоны, свободной от оружия массового уничтожения – ядерного, химического и биологического (ЗСОМУ). В условиях отказа Израиля присоединиться к Договору о нераспространении наиболее перспективным направлением считается вопрос о создании ЗСЯО или ЗСОМУ. Идея образования безъядерной зоны обсуждается в Организации Объединенных Наций с 1974 г., когда она была выдвинута Ираном. В качестве соавтора резолюции вместе с Ираном выступил Египет. Израиль поначалу возражал против принятия Организацией какого-либо решения по этому вопросу, но в 1980 г. дал согласие в принципе на рассмотрение вопроса о зоне, и с того времени Генеральная Ассамблея ООН регулярно принимает без голосования, т.е. единогласно, резолюции в пользу создания безъядерной зоны.

В 1988 г., по решению Генеральной Ассамблеи, Генеральный секретарь ООН назначил группу экспертов для изучения всех вопросов, относящихся к возможному созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке. В группу вошли Дж. Леонард (США), Я. Правец (Швеция) и Б. Сандерс (Нидерланды). Доклад был представлен Генеральной Ассамблее в октябре 1990 г.⁷³

Одновременно в МАГАТЭ рассматривался вопрос о применении системы гарантий Агентства на Ближнем Востоке, и в том же 1988 г. Генеральная конференция МАГАТЭ приняла решение о подготовке секретариатом Агентства «технического исследования о способах применения гарантий Агентства на Ближнем Востоке». Исследование было представлено Генеральной конференцией в августе 1989 г.⁷⁴

В апреле 1990 г. президент Египта Х. Мубарак выступил с инициативой создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Согласно его предложению,

- на Ближнем Востоке должны быть запрещены все без исключения виды оружия массового уничтожения, т.е. ядерное, химическое, биологическое и т.д.;

- все без исключения государства региона должны взять на себя одинаковые и взаимные обязательства в этом отношении;
- должны быть установлены меры и процедуры верификации с целью обеспечения полного соблюдения всеми государствами региона всего без исключения объема запрещений.

Поскольку общепринятого понятия региона Ближнего Востока как такового не существует, впервые попытку его определения для целей создания там Зоны предприняли эксперты МАГАТЭ, которые предложили в упомянутом исследовании, чтобы регион включал территорию от Ливии на западе до Ирана на востоке и от Сирии на севере до Йемена на юге.

В докладе ООН также используется это определение Зоны, предложенное МАГАТЭ. Эксперты ООН, проанализировав складывающуюся ситуацию, пришли к выводу, что «присоединение к ДНЯО всех государств региона – и особенно Израиля – было бы наиболее значительной вехой» в создании Зоны⁷⁵. Но до того, как это произойдет, согласие Израиля поставить под гарантии ядерные установки в Димоне «было бы шагом, ведущим к созданию Зоны, который мог бы быть реализован еще до присоединения к ДНЯО» (параграф 181). «Применение гарантий в Димоне будет равносильно согласию Израиля на установление верхнего лимита на то количество плутония, которое было наработано в ходе эксплуатации этих установок, но не обязательно повлечет за собой постановку под гарантии имеющихся запасов» (параграф 182)⁷⁶.

По мнению авторов доклада, при создании Зоны «потребуется существенно усиленная система верификации, которая могла бы быть установлена либо путем расширения нынешней системы гарантий МАГАТЭ, либо путем сочетания гарантий с другими мерами верификации многостороннего или двустороннего характера» (параграф 184)⁷⁷.

В качестве полезного шага на пути к созданию Зоны эксперты ООН высказались за достижение «категорического понимания, что не будет нападений на ядерные установки» (параграф 185).

В 1996 г. двое из авторов доклада Генерального секретаря – Я. Правич и Дж. Леонард – опубликовали интересную работу, в которой детализировали свои соображения по вопросу создания Зоны. Они, в частности, высказались за то, чтобы контроль за выполнением соглашения о ЗСОМУ на Ближнем Востоке был более строгим, чем это предусматривается другими соглашениями о ЗСЯО. Так, они предложили, чтобы участникам зоны было запрещено иметь баллистические или крылатые ракеты с дальностью больше согласованного предела, а также чтобы был создан весьма эффективный региональный контрольный орган по образцу Евратома и АБАКК⁷⁸.

Однако усилия международного сообщества, предпринятые для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки решение проблемы создания безъядерной зоны, пока к положительным результатам не привели. Соглашаясь в принципе с идеей ЗСЯО и ЗСОМУ, Израиль настаивал на том, чтобы стороны сели за стол переговоров и прежде всего договорились о политическом урегулировании в регионе. Сначала мир – потом Зона. Израильцы рассматривают создание безъядерной зоны, считает Ш. Фелдман, в качестве «замены присоединения к ДНЯО. Израиль настаивает, по крайней мере, на том, чтобы образование ЗСЯО в регионе предшествовало его присоединению к Договору. Эта позиция основана на мнении, что система гарантий МАГАТЭ крайне несовершенна. И поэтому он настаивает на том, что убедительные и интрузивные меры верификации должны быть разработаны путем переговоров между государствами региона»⁷⁹.

Генеральная Ассамблея ООН регулярно принимает резолюции в пользу создания ЗСЯО на Ближнем Востоке, а Генеральная конференция МАГАТЭ – в пользу распространения гарантий Агентства на все страны региона. Это полезно и важно с точки зрения формирования и выражения общего мнения мирового сообщества о необходимости создания Зоны, но реальных результатов рекомендации высоких международных форумов пока не приносят.

В апреле 2003 г., в период американо-английской военной операции в Ираке, Сирия внесла на рассмотрение Совета Безопасности Проект резолюции об объявлении Ближнего Востока зоной, свободной от ОМУ. Идея создания такой зоны была поддержана представителями России и Китая, но не встретила широкого одобрения со стороны членов Совета.

Мадридский процесс ближневосточного урегулирования. Новый этап в продвижении решения атомной проблемы на Ближнем Востоке наступил, когда в 1991 г., при ко-спонсорстве США и России, начался так называемый «Мадридский процесс ближневосточного урегулирования» и значительная часть арабских стран впервые выразила готовность сесть за один стол переговоров с Израилем для обсуждения вопросов *контроля над вооружениями и региональной безопасности*, а последний также впервые согласился рассматривать эти вопросы. Остановимся более подробно на том, как развивался этот процесс в 1992–1995 гг.

По итогам Мадридской конференции на следующей конференции, состоявшейся в Москве в январе 1992 г., Израиль и 12 арабских стран (Египет, Иордания, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Тунис, Марокко, Алжир и Мавритания) согласились образовать Рабочую группу по контролю над вооружениями и региональной безопасности (КВРБ)⁸⁰. В мае 1993 г. к ним присоединилась Палестинская автономия. В Рабочей группе не принимали участия представители Сирии и Ливана, настаивавшие на том, чтобы вначале произошел перелом в двусторонних отношениях этих стран с Израилем. Ирак, Иран и Ливия не были приглашены участвовать в переговорах.

Первый раунд переговоров в Рабочей группе по КВРБ состоялся в Вашингтоне в мае 1992 г., и сразу же возникли разногласия между Египтом и Израилем. Египет настаивал на том, чтобы приоритет был отдан проблеме прекращения ядерного распространения на Ближнем Востоке и, в первую очередь, решению вопроса о ядерных вооружениях Израиля. Последний же делал упор на то, что между странами региона существует глубокое недоверие друг к другу, и подчеркивал важность решения вопроса об обычных вооружениях с учетом того, что все войны на Ближнем Востоке велись с применением этого вида вооружений.

Второе заседание группы состоялось в Москве в сентябре 1992 г. На нем Россия и США предложили компромиссное решение, которое постепенно приближало бы, посредством осуществления целой серии мер по укреплению доверия, к осуществлению тех задач и приоритетов, которые ставили во главу угла египтяне и израильтяне. Участники Группы согласились рассмотреть это предложение или выдвинуть альтернативные подходы. Египет разработал документ на основе «инициативы Мубарака» (ЗСОМУ). Израиль же подготовил свой документ, суть которого была оглашена министром иностранных дел Ш. Пересом на конференции в Париже 13 января 1993 г., на которой состоялось подписание Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия. Ш. Перес в принципе положительно высказался относительно «инициативы Мубарака», но условием создания Зоны назвал предварительное достижение прочного мира и применение в регионе мер взаимного контроля.

Очередное заседание Группы по КВРБ проходило в Вашингтоне в мае 1993 г. На этом заседании представители Израиля, Египта, Иордании и Омана представили свои рабочие документы. Было решено создать несколько подгрупп для рассмотрения этих документов и конкретных аспектов урегулирования в период между пленарными заседаниями при участии представителей нерегиональных стран. США и Россия взяли на себя процесс ведения Подгруппы по определению конечных целей процесса контроля над вооружениями на Ближнем Востоке и выработке мер по укреплению доверия; Канада – Подгруппы по мерам укрепления доверия на море и недопущения инцидентов на море; Турция – Подгруппы по рассмотрению альтернативных методов обмена военной информацией и предоставления предуведомлений о военных учениях и крупномасштабных передвижениях войск; Нидерланды – Подгруппы по изучению вопросов функционирования региональной сети связи. При этом ближневосточные страны были приглашены направить на заседания подгрупп также своих военных представителей.

В июле 1993 г. в Египте состоялось первое заседание Рабочей группы в ближневосточном регионе. Участники обсудили в Каире вопросы контроля и затем совершили поездку на Синайский полуостров, где ознакомились с тем, как функционируют контрольные меры, осуществляемые Многонациональными силами и наблюдателями (МСН), размещенными там по египетско-израильскому Мирному соглашению 1979 г.

В сентябре 1993 г. в Канаде была проведена встреча Подгруппы по мерам укрепления доверия на море, а в Гааге состоялся семинар по организации связи в кризисных ситуациях. В начале октября того же года в Турции имело место заседание Подгруппы по обмену военной информацией. В течение осени 1993 г. страны региона были приглашены наблюдать за инспекцией на месте авиабазы в Великобритании, осуществляемой Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), и за проведением военных учений НАТО в Дании.

В середине октября 1993 г. в Вене состоялись заседания Подгруппы по обсуждению конечных целей процесса и мер укрепления доверия. Эти заседания прошли в конфронтационной обстановке: представители Египта настаивали на том, чтобы приоритет был отдан контролю над атомными вооружениями, тогда как израильские делегаты подчеркивали необходимость политического урегулирования и постепенного подхода к введению таких мер.

Той же осенью в ходе урегулирования отношений между Израилем и Иорданией эти страны пришли к соглашению, что ЗСЯО на Ближнем Востоке должна быть трансформирована в ЗСОМУ. В Совместном документе было зафиксировано «взаимное обязательство в приоритетном порядке и как можно скорее приступить к работе по образованию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, как конвенционального, так и неконвенционального». В Документе говорилось, что «эта цель должна быть достигнута в контексте всеобъемлющего, долговременного и прочного мира, характеризующегося отказом от применения силы, примирением и открытостью»⁸¹. Иордания, следовательно, выразила готовность включить обычные вооружения в определение оружия массового уничтожения, на чем настаивал Израиль, а также согласилась с тем, что существенные меры контроля над вооружениями могут быть достигнуты в обстановке прочного мира. Подобная формулировка была включена и в Мирное соглашение между двумя странами, подписанное ими в октябре 1994 г.

На следующем пленарном заседании Группы по КВРБ, состоявшемся в Москве в начале ноября 1993 г., опять разгорелся принципиальный спор между Египтом и Израилем – с чего начинать процесс контроля над вооружениями и укрепления региональной безопасности: с решения ядерной проблемы или с политического урегулирования. В итоге была достигнута процедурная договоренность – разделить дальнейшую работу Группы на две «корзины»: «концептуальную» и «оперативную». В «концептуальную корзину» было включено рассмотрение возможности достижения консенсуса по принципам, которыми следует руководствоваться в отношениях между государствами региона в будущем, по конечным целям процесса контроля над вооружениями и по мерам обеспечения сторон эффективными взаимными гарантиями безопасности. В задачу «оперативной корзины» входила бы разработка практических механизмов по увеличению транспарентности и уменьшению опасности непреднамеренной эскалации напряженности.

Далее, в середине января 1994 г. участники Группы встретились в Нидерландах для обсуждения вопросов, связанных с созданием сети связи на Ближнем Востоке. Было достигнуто согласие по поводу того, что такая сеть поначалу будет служить механизмом передачи сообщений, относящихся к процессу КВРБ, и что до того, как эта сеть будет установлена в регионе, сообщения будут передаваться через центр связи ОБСЕ, размещенный в Гааге.

В феврале 1994 г. в Каире состоялось заседание Подгруппы для рассмотрения «концептуальной корзины». На нем был сформулирован проект «Декларации о принципах», однако некоторые пункты, заключенные в скобки, остались несогласованными. В мае того же года в Дохе (Катар) было проведено пленарное заседание Рабочей группы по КВРБ, на котором Саудовская Аравия высказала возражения против включения в Декларацию

пунктов, касающихся прав человека и обязательства нормализовать отношения с Израилем. На следующем заседании Подгруппы по «концептуальной корзине», состоявшемся в Париже в октябре 1994 г., Саудовская Аравия сняла некоторые свои возражения. Было решено озаглавить разрабатываемый документ так: «Заявление о контроле над вооружениями и региональной безопасности». По всем вопросам было достигнуто согласие, кроме пункта, касавшегося ядерной проблемы. На этом заседании уже стало чувствоваться приближение Конференции по ДНЯО 1995 г., на которой должен был рассматриваться вопрос о продлении этого Договора. Египет стал настаивать на том, чтобы в Заявление был включен пункт о том, что «все» страны региона должны присоединиться к ДНЯО «в ближайшем будущем». В противовес этому Израиль высказался за то, чтобы дело ограничилось движением в направлении образования на Ближнем Востоке АСОМУ.

Тем временем в течение 1994 г. состоялось несколько заседаний по рассмотрению «оперативной корзины» – в Турции, Катаре и Иордании. Обсуждалась договоренность о создании регионального Центра связи в Каире. Иордания предложила образовать Региональный центр по безопасности в Аммане. Были разработаны проекты соглашений о предупреждении инцидентов на море и о сотрудничестве при проведении операций по спасению. Стороны также согласились провести совместные военно-морские учения.

На пленарном заседании Группы в Тунисе в начале декабря 1994 г. была предпринята попытка смягчить расхождения по вопросу о присоединении к ДНЯО. В целях достижения компромисса Египет представил неофициальный документ, предусматривавший присоединение Израиля к ДНЯО через два года после подписания мирных соглашений между Израилем, Сирией и Ливаном, но это предложение не было принято израильцами. В то же время в Тунисе был достигнут прогресс в вопросе определения границ региона; шесть участвующих государств согласились подсоединиться к Центру связи в Гага при понимании, что региональный Центр связи будет создан в Каире через два года; была достигнута договоренность об образовании Регионального центра по безопасности в Аммане; завершена подготовка Меморандума о взаимопонимании относительно предотвращения инцидентов на море и сотрудничества при проведении спасательных операций; сделан прогресс в согласовании мер по обмену военной информацией по уведомлению о крупномасштабных передвижениях войск и военных учениях.

На этой встрече были полностью согласованы все положения Заявления, кроме одного – по атомной проблеме. Альтернативные предложения относительно путей достижения общеприемлемых целей в области контроля над вооружениями, выдвинутые Египтом и Израилем, были заключены в скобки.

Вариант Израиля

«Создание на Ближнем Востоке взаимно контролируемой зоны, свободной от ядерного, химического и биологического оружия и от баллистических ракет, ввиду их огромной разрушительной мощи и их возможности усилить нестабильность в регионе».

Вариант Египта

«Создание зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, включая ядерное, химическое и биологическое, и систем их доставки, поскольку такое оружие, ввиду его огромной разрушительной мощи и возможности усилить гонку вооружений в регионе, представляет громадную угрозу его безопасности.

Все страны региона присоединятся к ДНЯО в близком будущем».

Соединенные Штаты предложили компромиссный вариант, который не устраивал ни одну из сторон, хотя был ближе к израильской позиции:

«Создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, включая ядерное, химическое и биологическое, и систем их доставки, – поскольку такое оружие, ввиду его огромной разрушительной мощи и его возможности усилить нестабильность в регионе, представляет серьезную угрозу безопасности, – посредством сочетания региональных соглашений, таких как создание зон, свободных от оружия, и международных соглашений, таких как КБО, ДНЯО и КХО»⁸².

В результате обострения отношений между арабскими странами и Израилем по атомной проблеме к середине 1995 г. стало ясно, что на данном этапе какого-либо прогресса по этой проблеме достичь невозможно. Последние заседания на уровне экспертов состоялись в Хельсинки в конце мая – начале июня 1995 г. и в Аммане в сентябре. В создавшихся условиях было решено не созывать очередное пленарное заседание Рабочей группы по КВРБ, которое намечалось на сентябрь 1995 г. в Аммане. С тех пор процесс переговоров по контролю над вооружениями и региональной безопасности на Ближнем Востоке приостановился.

Следует, тем не менее, признать, что, хотя уже восемь лет как переговоры в Группе по КВРБ прекращены, этот форум, в отличие от периодических рутинных дискуссий в ООН, МАГАТЭ и на конференциях по ДНЯО, безусловно, явился наиболее серьезной попыткой сдвинуть с места решение ядерной проблемы на Ближнем Востоке, что признается многими экспертами⁸³. Конечно, сам этот механизм не был лишен недостатков, поскольку его деятельность проходила на добровольной основе и принимаемые им решения не носили бы необратимого характера. Да и некоторые ключевые государства региона (Ирак, Сирия, Иран) не принимали участия в переговорах. И все же был создан полезный и важный прецедент на будущее. Когда и если будет создана благоприятная обстановка для возобновления переговоров по контролю над ядерными и другими вооружениями на Ближнем Востоке, то хотелось бы надеяться, что Рабочая группа по КВРБ будет вновь востребована.

Конференции по рассмотрению ДНЯО. На состоявшейся в Нью-Йорке в апреле–мае 1995 г. Конференции по рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия обсуждение атомной проблемы на Ближнем Востоке прошло в весьма конфронтационной обстановке. Открытое игнорирование Тель-Авивом приглашения к присоединению к ДНЯО стало одной из острейших проблем конференции. Целью арабских государств было попытаться заставить Соединенные Штаты и ЕС оказать давление на Израиль в вопросе о прекращении военной ядерной программы, обеспечить международный контроль через МАГАТЭ над свертыванием этой программы и в конечном счете произвести размен: Израиль отказывается от ядерного оружия, а Сирия, Ливия и ряд других государств – от запасов химического оружия и разработок в области биологического оружия. Как стратегический результат на Ближнем Востоке создавалась бы ЗСОМУ. Понятно, что в тактическом плане именно конференция по продлению могла послужить наиболее подходящим местом для политико-дипломатического торга с США, где арабские государства могли бы прибегнуть к любым дипломатическим ходам, вплоть до угрозы их выхода из ДНЯО.

Тем не менее, арабские государства оказались подвержены общему синдрому Движения неприсоединения и не смогли консолидироваться даже на почве общих интересов. Выработка единой линии по вопросам поведения на конференции и продления ДНЯО оказалась невозможной. Египет попытался возглавить арабские силы на конференции, объявив, что не может поддержать бессрочное продление, потому что Израиль отказывается договориться о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке или сделать другие уступки своим арабским соседям в этом вопросе. Соединенные Штаты надеялись ранее, что Египет отдаст свой голос в поддержку бессрочного продления ДНЯО, однако египетский министр иностранных дел А. Муса заявил, что безопасность его страны не может быть гарантирована соглашением, которое не охватывает Израиль. А. Муса подчеркнул, что в течение 20 лет Египет прикладывал усилия по ликвидации ядерного оружия на Ближнем Востоке. Он солидаризировался со многими неядерными странами в том, что «прогресс, достигнутый в осуществлении ДНЯО, не оправдывает ожиданий его отцов-основателей». Жесткая позиция Египта явилась неприятным сюрпризом для США.

Несмотря на приближавшийся финал конференции, договориться с Египтом об отказе от столь жесткой позиции не удавалось. В качестве компромисса была выдвинута идея о том, что к уже разрабатывавшимся итоговым документам о бессрочном продлении ДНЯО и мерам по укреплению международного режима нераспространения необходима также ближневосточная Резолюция, достаточно аморфная по содержанию, однако уже одним фактом своего существования частично умиротворявшая Египет и его сторонников. Был распространен проект резолюции группы арабских стран, возглавляемых Египтом и подписанный также Алжиром, Бахрейном, Египтом, Ираком, Иорданией, Кувейтом, Ливией, Мавританией, Марокко, Катаром, Саудовской Аравией, Суданом, Тунисом и Йеменом, в котором конференции предлагалось выразить «глубокую озабоченность продолжающимся нахождением на Ближнем Востоке бесконтрольных ядерных объектов Израиля», призвать Израиль «без промедления присоединиться к ДНЯО и поставить всю свою ядерную деятельность под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ», призвать «все государства Ближнего Востока предпринять практические шаги по созданию (...) ближневосточной зоны, свободной от ОМУ: ядерного, химического, биологического и систем их доставки, и, вплоть до создания такой зоны, воздержаться от любых мер, которые могут помешать осуществлению этих задач»; наконец, «пригласить пять ядерных государств предоставить, в качестве приоритетной задачи и временной меры, льготные гарантии безопасности государствам региона – членам ДНЯО»⁸⁴.

В таком виде проект являлся заведомо непроходным. Невозможно было представить, чтобы его поддержали США, прежде всего из-за прямого упоминания Израиля. Кроме того, последний пункт о *льготных гарантиях* безопасности также вряд ли бы устроил ядерные государства, включая Россию. Тем не менее, российская делегация высказала соображение, что нельзя отмахиваться от данного проекта, надо работать с ним с тем, чтобы в результате и произвести обмен: ближневосточные арабские государства и Иран получат смягченный вариант их Резолюции на основе консенсуса; в обмен на это они согласятся присоединиться к консенсусу по вопросу о бессрочном продлении Договора.

Работа над переписыванием Резолюции предстояла колоссальная, а оставался всего лишь день до завершения конференции. Соединенные Штаты, Россия и Великобритания согласились, как страны – депозитарии Договора, стать соавторами, и в результате работы над текстом он значительно изменился. Из него исчезло прямое упоминание Израиля; кроме того, было снято положение о предоставлении ядерными государствами гарантий безопасности для стран региона – членов ДНЯО. В конечном итоге Египет и другие арабские государства приняли текст⁸⁵. Это объяснялось не только и не столько давлением США. Среди большинства арабских делегаций, прежде всего у делегации Египта, в ходе конференции постепенно сформировалось убеждение, что альтернативой данному, пусть и не вполне полноценному обмену, может стать только прямой раскол стран-участниц ДНЯО, в результате которого задача ликвидации ядерного оружия Израиля отодвинулась бы на неопределенный срок, а образ Израиля как виновника нестабильности померк, уступив место критике в адрес самих арабских государств, которые были бы обвинены в экстремизме. Сказался такой фактор, как противоречия между самими арабскими государствами. Наконец, принятие резолюции, соавторами которой стали США, Россия и Великобритания, позволяло бы арабским государствам в дальнейшем требовать выполнения ее буквы и духа. Вариант «хлопанья дверью» такую возможность отсекал.

Тем не менее, Египет и некоторые другие арабские страны после принятия конференцией на основе консенсуса решения о бессрочном продлении Договора выступили с заявлениями о том, что они резервируют свое отношение к этому решению.

К ближневосточной проблеме имеет самое прямое отношение и весьма важное решение конференции, принятое консенсусом, – «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения». Первый пункт этого решения гласит:

«Всеобщее присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия является неотложной приоритетной задачей. Всем государствам, которые еще не являются участниками Договора, и особенно государствам, в которых имеются ядерные объекты, не поставленные под действие гарантий, предлагается в кратчайшие сро-

ки присоединиться к Договору. Все государства-участники должны сделать все возможное для достижения этой цели»⁸⁶.

Это решение конференции на практике пока что остается мертвой буквой⁸⁷.

В Заключительном документе конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 г., принятом консенсусом, впервые упомянут Израиль в таком контексте: Конференция отмечает, что «все государства региона Ближнего Востока, за исключением Израиля, стали государствами-участниками Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция приветствует присоединение этих государств и подтверждает важность присоединения Израиля к ДНЯО и постановку всех его ядерных установок под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ в интересах достижения цели всеобщего присоединения к Договору на Ближнем Востоке»⁸⁸. Однако включение в Заключительный документ конференции подобной формулировки, вполне устраивающей арабские государства, ни в коей мере не способствовало в практическом плане какому-либо движению вперед в решении атомной проблемы на Ближнем Востоке. Можно ли рассчитывать на то, что следующая конференция по ДНЯО, которая состоится в 2005 г., внесет какой-либо реальный вклад в обеспечение нераспространения в этом регионе? Как это представляется во всяком случае на сегодняшний день, возможности конференций по ДНЯО в данном случае являются весьма ограниченными.

Как явствует из хода подготовки к Конференции 2005 г. в рамках Подготовительного комитета предстоящей Конференции (состоялись уже две его сессии – в 2002 и 2003 гг.), страны Ближнего Востока будут и дальше настойчиво добиваться присоединения Израиля к ДНЯО и создания ЗСОМУ. В фактологическом резюме председателя по итогам последней сессии Комитета он напоминает, что Резолюция по Ближнему Востоку, принятая в 1995 г., «остается в силе до тех пор, пока ее цели не будут достигнуты». Она была «существенным элементом итогового результата Конференции 1995 г., на основе которого Договор о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. был продлен бессрочно без голосования». Представляется, однако, очевидным, что подобного рода формулировки к реальным результатам, пока, увы, не приводят.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Израиль подписал, но не ратифицировал договор. Он входит в число 44-х государств, имеющих значительную ядерную деятельность и поименно названных в нем, ратификация Договора которыми необходима для его вступления в силу. К настоящему времени только 32 из этих 44-х государств завершили процесс ратификации. Израиль оказался в одной компании с такими «странами-отказниками», как США, Китай, Индия, Пакистан, КНДР. Договор подписан 168 государствами и ратифицирован 104, в том числе Россией, Великобританией и Францией.

В соответствии с ДВЗЯИ государства-участники могут самостоятельно, на добровольной основе предоставлять в Международный центр данных (МЦД) дополнительные данные от национальных станций мониторинга, которые не входят официально в состав Международной системы мониторинга (МСМ)⁸⁹. Израиль, еще до вступления Договора в силу, выделил шесть так называемых «сотрудничающих национальных объектов», которые передают данные в МЦД в Вене. Это – сейсмологические станции. В 2000 г. по приглашению Израиля в Мертвом море был проведен экспериментальный взрыв обычной взрывчатки для калибровки сейсмологического оборудования с участием международных экспертов.

Хотя можно с большой долей уверенности утверждать, что Израиль в обозримом будущем будет придерживаться политики *непрозрачности* в отношении своего ядерного потенциала и поэтому не пойдет на осуществление ядерных испытаний, тем более на своей территории, израильтяне проявляют небывалый интерес к тому, как ведется работа по подготовке Оперативного руководства по проведению инспекций на месте (ИНМ). Судя по всему, они опасаются того, что, когда договор вступит в силу, арабские государства станут забрасывать Израиль запросами о проведении инспекций на его территории, и поэтому добиваются осложнения процедур подачи и рассмотрения таких возможных запросов. Кроме того, можно предположить, что отсутствие решения по всем во-

просам, относящимся к Оперативному руководству (его объем уже сейчас достигает около тысячи страниц, а израильтяне продолжают подбрасывать все новые и новые проблемы), дает им удобный предлог для затягивания ратификации Договора.

Что касается арабских государств и Ирана, то они подписали ДВЗЯИ, но воздерживаются от его ратификации до тех пор, пока этого не сделает Израиль. В число 44-х стран, перечисленных в договоре, входят Египет, Иран и Алжир.

На наш взгляд, ратификация Договора Израилем (особенно с учетом того, что его вступление в силу пока остается проблематичным), на практике не создавала бы для него каких-либо затруднений или ограничений, но в то же время могла бы стать благоприятным сигналом для улучшения и нормализации отношений с арабскими странами и содействовать продвижению вперед по проблеме ближневосточного урегулирования. Как представляется, это было бы в интересах и стратегического партнера Израиля – Соединенных Штатов, которые предпринимают сейчас усилия по урегулированию на основе «Дорожной карты».

Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ). Другой вполне реальной возможностью продвинуться вперед в решении рассматриваемой проблемы могло бы стать многостороннее соглашение о ЗПРМ с непосредственным участием всех основных стран региона.

ЗПРМ имеет смысл в первую очередь как средство ядерного нераспространения и во вторую – как путь к ядерному разоружению. Действительно, запрет на производство оружейных расщепляющихся материалов послужил бы едва ли не самой надежной гарантией против появления новых ядерных стран. Его разоруженческое значение связано прежде всего с выводом из оборота расщепляющихся материалов, которые высвобождаются из ликвидируемых боеприпасов, что позволяет сделать процесс разоружения хотя бы отчасти необратимым.

В широком контексте ЗПРМ имеет наибольший эффект в сочетании с другими мерами по разоружению. Соотношение нераспространенческого и разоруженческого компонентов в ЗПРМ будет зависеть от содержания будущей договоренности. Здесь возможны и обсуждаются два варианта:

- ☐ прекращение производства ядерных материалов для оружия;
- ☐ меры в отношении существующих запасов ядерных материалов.

Первый вариант является в основном мерой нераспространения, воздвигая еще один барьер на пути распространения ядерного оружия, в том числе *вертикального*, ставя предел в первую очередь увеличению ядерного потенциала де-факто ядерных государств, а также появлению новых ядерных стран из числа высокоразвитых в промышленном отношении государств, таких как, например, Япония, Германия или Южная Корея, которые могли бы в случае принятия политического решения в короткие сроки наладить производство атомного оружия. В отношении ядерных государств он предусматривает лишь ненаращивание количества расщепляющихся материалов, что, по крайней мере в отношении России и США, малоактуально, поскольку они более десяти лет не нарабатывают новых количеств оружейных расщепляющихся материалов и уже приступили к сокращению накопленных запасов. Второй вариант является разоруженческой мерой.

При обсуждении этих вариантов сталкиваются разнонаправленные интересы. Ядерные державы готовы согласиться с запрещением производства новых материалов для ядерного оружия, но не готовы поставить под контроль его запасы и согласиться на их сокращение под контролем международных наблюдателей. Индия возражает против сокращения запасов по тем же причинам, в то время как Пакистан настроен более радикально, поскольку рассчитывает добиться сокращения индийских запасов. При этом и Индия, и Пакистан проявляют склонность к затягиванию начала переговоров, поскольку это дает им возможность наработать еще некоторое количество материалов для ядерного оружия, в то время как большинство ядерных государств (за исключением Китая) уже готово договориться о ЗПРМ сравнительно быстро. Многие неядерные государства решительно выступают за скорейшее начало переговоров. Они готовы пойти и на наи-

более ограниченный из возможных вариантов ЗПРМ с учетом того, что он подготовил бы почву для согласования более радикальных шагов в будущем.

После многих лет бесплодных обсуждений проблемы ЗПРМ процесс, казалось, пришел в движение в 1993 г., когда на Генеральной Ассамблее ООН удалось единодушно принять Резолюцию «Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных устройств». Для этого потребовалось пойти на существенный компромисс, предопределивший ключевой элемент будущей договоренности, но в то же время предвещавший последующие споры в процессе переговоров, а именно: предшествовавшие проекты резолюций вели речь о прекращении «производства и накопления» ядерных материалов, что вызывало сопротивление ядерных государств, однако снятие второго слова позволило, наконец, достичь сдвига. В принятой Резолюции ООН высказалась в пользу заключения «недискриминационного и универсально применимого Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»⁹⁰.

Дальнейшим практическим шагом стало решение вопроса о переговорном мандате на Конференции по разоружению для рассмотрения ЗПРМ, а следующим шагом должно было стать создание специального комитета, в рамках которого и велись бы переговоры.

В марте 1995 г. на Женевской конференции по разоружению удалось принять так называемый «доклад Шеннона» (по имени представителя Канады – специального координатора по ЗПРМ) о создании Спецкомитета. Однако эта победа была неполной, поскольку ряд стран (Египет, Иран, Алжир и Пакистан) вновь подняли вопрос о включении в будущий документ проблемы *накопленных запасов* расщепляющихся материалов, против чего выступили ядерные государства и Индия. В итоге был принят компромиссный вариант, который основывался на решении Генеральной Ассамблеи, т.е. без упоминания о накопленных запасах, но с разрешением внесения других предложений, включая вопрос о запасах, в ходе переговоров в Спецкомитете.

Мандат Спецкомитета был согласован на основе «доклада Шеннона», но при этом сохранились и разногласия: ядерные государства и Индия заявили, что мандат не предусматривает включения существующих запасов, в то время как некоторые страны резервировали намерение предложить включение проблемы запасов в ходе работы Спецкомитета. Такое намерение было активно поддержано Египтом и другими арабскими государствами, которые настойчиво подчеркивали необходимость постановки под контроль израильских запасов оружейных расщепляющихся материалов.

Немало усилий также потребовалось для того, чтобы заручиться поддержкой Израиля, который опасался поставить свою ядерную программу под международный контроль и возможные сокращения. Тем не менее, под давлением США Израиль согласился поддержать доклад спецкоординатора о создании специального комитета по ЗПРМ, хотя и оговорил, что резервирует свое мнение по существу вопросов, которые будут обсуждаться на переговорах.

В итоге решение об образовании Спецкомитета по ЗПРМ и о его мандате для переговоров относительно «недискриминационного многостороннего и поддающегося международной эффективной проверке Договора, запрещающего производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств»⁹¹, было принято в августе 1998 г. Однако, ввиду возникших разногласий между некоторыми государствами по различным мотивам, Специальный комитет по ЗПРМ до сих пор не может приступить к работе. На сегодняшний день основной камень преткновения – требование Китая о том, чтобы одновременно с ЗПРМ рассматривался и вопрос о предотвращении гонки вооружений в космосе, впрочем, в последнее время Китай стал проявлять определенную гибкость в этом отношении. Но и среди стран ближневосточного региона существуют свои разногласия. Если Египет настаивает на непременном рассмотрении вопроса о накопленных запасах расщепляющихся материалов, то Израиль на это никак не идет.

Не устраивает израильтян и то, что им пришлось бы отказаться от статуса государства, придерживающегося политики *неопределенности* и *непрозрачности* в отношении своего ядерного потенциала. Как писал Ш. Фелдман,

«... [о]тказ необъявленных ядерных держав от политики неопределенности в результате требования раскрыть свои существующие запасы расщепляющихся материалов будет делом нелегким, поскольку они вряд ли будут считать, что такое объявление послужит их лучшим интересам. И прежде всего они будут озабочены тем, что раскрытие результатов их прежней деятельности привело бы к незамедлительному и мощному нажиму на них не только в вопросе замораживания их ядерных программ на нынешнем уровне, но и свертывания их».

И, тем не менее, Ш. Фелдман считает, что, хотя в ходе переговоров по Договору о ЗПРМ «придется столкнуться с некоторыми весьма серьезными дилеммами», после заключения ДНЯО запрет на производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия «может стать следующим важным пунктом повестки дня глобального ядерного нераспространения»⁹². Действительно, ЗПРМ – одно из перспективных направлений решения ядерной проблемы на Ближнем Востоке.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что решение как атомного вопроса, так и всей проблемы ближневосточного урегулирования во многом будет зависеть от прогресса в выработке менталитета добрососедских отношений и содружества входящих в регион стран, ибо без этого их мирное выживание не будет достижимо. Пока же вот уже более полувека в регионе преобладающей является психология людей, живущих как бы в «осажденной крепости», и государства Ближнего Востока не предпринимают значительных усилий для выработки парадигмы совместного существования, да и крупные державы, заинтересованные в установлении мира в этом регионе, не уделяют психологической стороне дела должного внимания. Существенную роль в таком процессе могли бы сыграть и международные, и национальные неправительственные организации, в первую очередь гуманитарные и правозащитные. Большая ответственность в этом отношении лежит на международных и национальных организациях, объединяющих еврейские и мусульманские конфессии.

Встав на путь ядерного вооружения, Израиль сделал шаг в направлении не стабилизации, а обострения отношений со своими соседями. Любые, даже самые скромные его шаги в обратном направлении – по пути постепенной денуклеаризации – могли бы повернуть вспять продолжающееся недоверие и вражду между странами региона.

КАК ПРАКТИЧЕСКИ ПОДОЙТИ К РЕШЕНИЮ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

Весь многолетний опыт ситуации на Ближнем Востоке свидетельствует: без рассмотрения атомного аспекта ближневосточной проблемы и движения, хотя бы поэтапного, в направлении его решения никакое урегулирование в регионе и установление там прочного и гарантированного мира невозможны⁹³. А в таком мире Израиль не может не быть кровно заинтересован. Из этого следует, что настало время объединить усилия всех государств, которые имеют возможность так или иначе влиять на ситуацию в регионе, для оказания дипломатического, а при необходимости – экономического и иного влияния на страны Ближнего Востока, прежде всего на Израиль, не исключая, разумеется, Ирана, чтобы убедить их не откладывая пойти на переговоры о создании ЗСЯО или – еще лучше – ЗСОМУ.

Конечно, главную роль тут могут и должны сыграть Соединенные Штаты, преобладающее влияние которых в регионе является бесспорным, а после окончания войны в Ираке еще более возросло. Россия и ведущие страны Европейского Союза – прежде всего Великобритания, Франция и Германия – также могут внести в процесс решения ядерной проблемы на Ближнем Востоке существенную лепту. Крайне важно, однако, чтобы все эти державы в полной мере преисполнились сознанием исключительного значения этого процесса, предоставили ему высокий приоритет, действуя *согласованно и коллективно*. «Большая восьмерка», с нашей точки зрения, – наиболее перспективный форум для обсуждения этой проблемы и согласования мер, ведущих к серьезным переговорам. На очередной саммит при рассмотрении данного вопроса было бы важно пригласить

ситель представителей наиболее заинтересованных стран региона, в первую очередь руководителей Египта, Израиля и, возможно, Ирана.

В конкретном плане, как представляется, наиболее перспективным решением было бы возобновление работы Группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности (КВРБ), созданной в рамках Мадридского процесса ближневосточного урегулирования, деятельность которой была приостановлена в 1995 г. При этом должно быть достигнуто понимание того, что рассмотрение атомной проблематики начнется сразу же после возобновления работы Группы по КВРБ. Было бы желательно, чтобы Группа работала на уровне министров иностранных дел хотя бы в самом начале, а также при рассмотрении наиболее принципиальных вопросов. Необходимо также участие в Группе тех стран, которые ранее не были представлены, – прежде всего Ирана, Сирии и Ирака (как только там будет образовано представительное правительство). Возможно, до начала работы Группы понадобится проведение предварительных неофициальных консультаций. Во всем этом процессе важно активное участие США и России, как ко-спонсоров Мадридской конференции.

Для придания большей авторитетности и легитимности таким переговорам следовало бы также рассмотреть возможность принятия резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН с настойчивым призывом к странам Ближнего Востока сесть за стол переговоров по урегулированию ближневосточной проблемы с непременным учетом и ядерного аспекта.

И, наконец, для того, чтобы побудить страны ближневосточного региона твердо стать на путь отказа от ядерного оружия, необходимы более решительные действия самих ядерных держав по снижению роли ядерного фактора в международных отношениях⁹⁴.

Примечания

¹ Назовем некоторые исследования и публикации: Ядерное распространение. Под общей ред. Орлова В.А. Т. I, глава 7. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002; Тимербаяев Р.М. Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? *Ядерный Контроль*. 1995, декабрь; Сафранчук И.А. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества. *Научные Записки ПИР-Центра*. 1998, № 8; Хлопков А. В. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях. *Научные записки ПИР-Центра*. 2001, № 18; Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Мамедова Нина, Федоров Юрий, Федченко Виталий. Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения. *Аналитические записки ИПМИ*. 2003. Т. 2, № 2, февраль; Лата Василий, Хлопков Антон. Иран: ракетно-ядерная загадка для России. *Ядерный Контроль*. 2003. №2 лето; Cohen Avner. *Israel and the Bomb*. N.Y.: Columbia University Press, 1998 (Книга выгодно отличается от многих других работ по данной теме обстоятельной архивной и мемуарной основой. Автор использовал как американские, так и израильские архивы, ознакомился с малоизвестными широкому кругу исследователей воспоминаниями (как правило, на иврите) тех, кто был у истоков атомной программы Израиля, проинтервьюировал многих израильских ученых и администраторов, а также и американских специалистов); Feldman Shai. *Israeli Nuclear Deterrence*. N.Y.: Columbia University Press, 1982; Feldman Shai. *Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1997; Evron Yair. *Israeli Nuclear Dilemma*. L.: Routledge, 1994; Cirincione Joseph with Wolfsthal Jon B. and Rajkumar Miriam. *Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002; Steinberg Gerald M. *Parameters of Stable Deterrence in a Proliferated Middle East: Lessons from the 1991 Gulf War*. *Nonproliferation Review*. Fall-Winter 2000. Vol. 7, No. 3; Effective and Verifiable Measures Which Would Facilitate the Establishment of a Nuclear-weapon-free Zone in the Middle East. Study Series 22. Report of the Secretary General of the United Nations. Doc. A/45/435, 1991.

² Cohen Avner. Op. cit. P. 19.

³ Ibid. P. 49.

⁴ Г. Молле считал, что «Насера, который вооружает алжирское восстание, может сломить только одно средство – вооружение Израиля [...]», и поэтому «нужно создать противовес Египту [...] Таким мощным противовесом является Израиль и его бомба» (Pean Pierre. *Les Deux Bombes*. P.: Fayard, 1982. P. 78 et 84).

⁵ Pean. P. 138.

⁸ Feldman Shai. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. Cambridge, MA: The MIT Press, 1997. P. 46.

⁹ Cohen Avner. Stumbling into Opacity: The United States, Israel, and the Atom, 1960–1963. *Security Studies*. 1994, Winter. No. 2. L.: Frank Press. P. 218 and 229.

¹⁰ Spector Leonard S. with Smith Jacqueline R. Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990. Boulder, CO: Westview Press, 1990. P. 149–59.

¹¹ Deadly Arsenals. P. 226.

¹² *Sunday Times*. 1986. October 5 and 12.

¹³ Cohen. Israel and the Bomb. P. 84–85.

¹⁴ Ibid. P. 332.

¹⁵ Cohen. Israel and the Bomb. P. 14–15.

¹⁶ Feldman. P. 196.

¹⁷ Ibid. P. 207.

¹⁸ Ibid. P. 96.

¹⁹ Под термином «экзистенциальное сдерживание» понимается эффект сдерживания, проистекающий из самого факта наличия ядерного оружия в распоряжении данной страны или ее союзников и даже из существования способности у такой страны производить ядерное оружие. При этом не обязательно наличие объявленной ядерной доктрины, конкретных средств доставки оружия, развернутых сил, планов нацеливания, проведения военных учений и осуществления других действий, направленных на то, чтобы создать у потенциального противника или противников уверенность в том, что его или их агрессивные действия встретят ядерный ответ. (См.: The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. CISAC, National Academy of Sciences. Wash. D.C.: National Academy Press, 1997. P. 15.)

²⁰ Feldman. P. 98.

²¹ Cohen. Op. cit. P. 211.

²² Ibid. P. 232. М. Мардор сделал в своем дневнике запись 28 мая 1967 г., что в тот день он наблюдал за тем, как в сборочном цехе бригады специалистов «[...] собирали и проверяли систему оружия, разработка и производство которой были завершены до начала войны. [...] Выражения их лиц были торжественными и полными сознания важности дела и понимания громадного, почти что рокового значения системы оружия, которое они привели в оперативную готовность». P. 273.

²³ Это мнение разделяют эксперты Фонда Карнеги за международный мир (Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. P. 221).

²⁴ Cohen. Op. cit. P. 274.

²⁵ Ibid. P. 275–276.

²⁶ Подразумевается, что в условиях неопределенности не было ясно, располагает Израиль ядерным потенциалом или нет, между тем как непрозрачность предполагает официально необъявленное и непризнаваемое наличие ядерного арсенала.

²⁷ А. Козн приводит любопытную деталь: спустя два десятилетия после прекращения визитов один ответственный правительственный чиновник (Г. Сэймор, работавший в аппарате Белого дома в период правления администрации Б. Клинтона, а в настоящее время являющийся научным сотрудником Международного института стратегических исследований в Лондоне) не смог найти в американских архивах документов, раскрывающих, каким образом и по чьему указанию это произошло (P. 337).

²⁸ Cohen. Op. cit. P. 323.

²⁹ М. Бегин – премьер-министр Израиля в 1977–1983 гг.

³⁰ Израильские действия были осуждены ООН и МАГАТЭ. В Агентстве арабские и поддерживающие их страны добивались исключения Израиля из организации, что вызвало серьезный институциональный кризис. США поддерживали Израиль, угрожая прекращением финансирования и даже выходом из Агентства. Автор принимал участие в урегулировании затяжного конфликта на сессиях Генеральной конференции МАГАТЭ в 1982–1985 гг.

²⁹ Cohen. Op. cit. P. 343.

³⁰ Ibid. P. 344–345.

³¹ Ibid. P. 346.

³² Ibid. P. 348.

³³ Ibid. P. 349.

³⁴ Deadly Arsenals. Op. cit. P. 221 and 224. По другим данным, Израиль имеет от 75 до 200 единиц ядерных боеприпасов. (Natural Resources Defense Council's 2002 Nuclear Notebook.)

³⁵ Ibid. P. 221.

³⁶ Ibid. P. 221–222.

³⁷ Ibid. P. 222–223.

³⁸ Ibid. P. 230.

³⁹ Pean. Op. cit. P. 164.

⁴⁰ Spector with Smith. P. 188.

⁴¹ Ibid. P. 191–193.

⁴² Цит. по: *Arms Control Today*. 2002. Vol. 32, No. 9, November. P. 26.

⁴³ Р. Перл вышел из правительства в конце марта 2003 г., как сообщали СМИ, в связи с «конфликтом интересов», поскольку он работал на нефтяную компанию, имеющую интересы в Ираке.

⁴⁴ Cirincione Joseph. Origins of Regime Change in Iraq. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2003. Vol. 6, No. 5, March 19.

⁴⁵ Cirincione Joseph. The Shape of the Post-War World. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2003. Vol. 6, No. 6, March 25.

⁴⁶ Док. ООН S/2003/580.

⁴⁷ Так, заместитель госсекретаря США Дж. Вольф заявил 28 апреля 2003 г. на сессии Подготовительного комитета Конференции по ДНЯО 2005 г., что Иран являет собой «самый значительный вызов, который когда-либо стоял перед ДНЯО». (*Arms Control Today*. 2003, May).

⁴⁸ См., например: Deadly Arsenals. P. 255; Мамедова, Федоров, Федченко. Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения. С. 7–8.

⁴⁹ Statement by Reza Aghazadeh, Vice-President of the Islamic Republic of Iran and President of the Atomic Energy Organization of Iran at the Forty-Sixth Regular Session of the IAEA, 2002, September.

⁵⁰ Bellona Foundation, 2003, February 24.

⁵¹ <http://www.iaea.org/worldatom/Press/News/2003/02/25-300190.html>. Фактически Алжир согласился выполнять решение, принятое Советом управляющих МАГАТЭ еще в феврале 1992 г.

⁵² *Washington Post*. 2003, March 10; Albright David and Hinderstein Corey. The Iranian Gas Centrifuge Uranium Enrichment Plant at Natanz. The Institute for Science and International Security. 2003, March 14; Breit Marshal. Fact Sheet on Iran's Uranium Program. Carnegie Endowment for International Peace.

⁵³ Deadly Arsenals. Op. cit. P. 255.

⁵⁴ Steinberg Gerald M. with Etengoff Aharon. Arms Control and Non-Proliferation in the Middle East: 2000. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. Bar-Ilan University. *Mideast Security and Policy Studies*. 2002. No. 52, December. P. 21.

Подробнее об иранской ядерно-ракетной программе см.: Лата В.Ф., Хлопков А.В. *Ядерный контроль*. 2003. № 2, лето. С. 39–56.

⁵⁵ Док. МАГАТЭ GOV/2003/40.

⁵⁶ С настойчивым призывом подписать и выполнить Дополнительный протокол «без задержек и условий» обратились к Ирану и лидеры стран «Большой восьмерки» на саммите в Эвиане в начале июня 2003 г.

⁵⁷ http://www.iaea.org/worldatom/Press/P_release/2003/med-advise_072.shtml.

⁸⁸ Обстоятельный анализ возможной позиции Ирана в отношении перспективы создания ядерного оружия содержится в исследовании, проведенном вице-президентом Фонда Карнеги за международный мир Дж. Перковичем, – *Dealing With Iran's Nuclear Challenge*. 2003, April 28.

⁸⁹ *Deadly Arsenals*. Op. cit. P. 307.

⁹⁰ *Интерфакс*. 1997, 22 октября и 1999, 7 апреля.

⁹¹ *Arms Control Today*. 2003, May.

⁹² Steinberg Gerald M. Parameters of Stable Deterrence in a Proliferated Middle East: Lessons from the 1991 Gulf War. *Nonproliferation Review*. Fall-Winter 2000. Vol. 7, No. 3. P. 48.

⁹³ *Ha'aretz*. 1995, December 31. Цит. по: Steinberg. P. 48–49.

⁹⁴ Steinberg. Op. cit. P. 49.

⁹⁵ Cohen. Op. cit. P. 276.

⁹⁶ Israelyan Victor. Inside the Kremlin During the Yom Kippur War. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995. P. 202–206.

⁹⁷ Белоногов А.М. МИД. Цит. соч. С. 274–276.

⁹⁸ Цит. по: Steinberg. P. 51.

⁹⁹ Steinberg. Op. cit. P. 57–58.

¹⁰⁰ Feldman Shai. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. P. 20–22.

¹⁰¹ Arian Asher. Israeli Public Opinion on National Security 1999. Jaffee Center for Strategic Studies. Memorandum. 1999, No. 53, August. P. 34–35.

¹⁰² *Nonproliferation Review*. Summer 2000. Vol. 7, No. 2. P. 175.

¹⁰³ Док. ООН A/45/435.

¹⁰⁴ Док. МАГАТЭ GC(XXXIII)/887.

¹⁰⁵ В 1990 г., когда был подготовлен доклад, не все арабские страны были участницами ДНЯО.

¹⁰⁶ Авторы доклада ООН, как это очевидно, исходили из того, что первоначально будет использоваться система гарантий Агентства, применяемая к отдельным установкам (INFCIRC/66/Rev.2), а не всеобъемлющая система гарантий (INFCIRC/153).

¹⁰⁷ Тогда еще не существовало Дополнительного протокола о гарантиях, который был принят Советом управляющих Агентства в 1997 г.

¹⁰⁸ Pravitz Jan and Leonard James F. A Zone Free of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. UNIDIR/96/24.

¹⁰⁹ Feldman Shai. Op. cit. P. 250.

¹¹⁰ Working Group on Arms Control and Regional Security (ACRS).

¹¹¹ Feldman. Op. cit. P. 9.

¹¹² Feldman. Op. cit. P. 325.

¹¹³ См., например: Feldman. P. 30–31; Landau Emily. Egypt and Israel in ACRS: Bilateral Concerns in a Regional Arms Control Process. Jaffe Center for Strategic Studies. Memorandum No. 59. Tel Aviv University, June 2001. P. 67–70.

¹¹⁴ Док. NPT/CONF.1995/L.7.

¹¹⁵ Док. NPT/CONF.1995/32 (Part I). Резолюция по Ближнему Востоку.

¹¹⁶ Там же. Решение 2.

¹¹⁷ Подробнее о рассмотрении на Конференции 1995 г. Резолюции по Ближнему Востоку см.: Орлов В.А. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки. *Научные Записки ПИР-Центра*. 1999, № 11. С. 28–29.

⁸⁸ NPT/CONF.2000/28 (Vol. I, Part I). В журнале *Nonproliferation Review* (Summer 2000. Vol. 7, No. 2. P. 175–176) опубликована переписка между проф. Дж. Стайнбергом (Израиль) и Т. Рауфом (Канада), в которой израильский ученый утверждает, что Израиль не давал согласия на упомянутую формулировку, в то время как канадский эксперт, участвовавший в Конференции, твердо уверен в том, что она была согласована с Тель-Авивом. Ныне Т. Рауф является сотрудником Секретариата МАГАТЭ.

⁸⁹ Статья IV.B, пункты 27–28.

⁹⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи 48/75L.

⁹¹ Док. CD/1547.

⁹² Feldman. Op. cit. P. 170.

⁹³ Сходной позиции придерживается известный американский специалист по Ближнему Востоку и ядерной проблеме, посол Дж. Леонард, который писал: «Консолидация мира в регионе требует *одновременного* (выделено мной. – Р.Т.) прогресса по трем направлениям. Два из них самоочевидны: политическое направление (т.е. намерения) и контроль над вооружениями (т.е. возможности), при этом меры по укреплению доверия должны формировать связующую ткань между ними. Ни одно из этих направлений действий недостаточно само по себе. Мирные соглашения важны, но, будучи изолированными, они сохраняют опасения, что чрезмерно большие военные арсеналы могут вновь создать серьезные угрозы. Соглашения о контроле над вооружениями важны, но, будучи изолированными, они могут сохранить противоречия и даже оказаться всего лишь прикрытием для возобновления военных действий. Но в совокупности эти направления будут подкреплять и усиливать друг друга. Однако и этого недостаточно. Нужно двигаться и по третьему направлению, идя по которому, правительства региона должны продемонстрировать свою способность решать свои внутренние проблемы и тем самым удовлетворять чаяния своих народов». (National Threat Perceptions in the Middle East. A Summary. UNIDIR. Research Paper No. 37. NY and Geneva, September 1995. P. 6–7).

Шведский эксперт Я. Правиц, другой участник группы по составлению доклада ООН о безъядерной зоне на Ближнем Востоке, в интервью автору 19 февраля 2003 г. высказал еще более категоричное мнение о том, что такая зона не только важна, но и необходима, поскольку именно она может послужить *началом* процесса мирного урегулирования, а не его завершением, как считают израильтяне. Как сдерживающее средство, считает Я. Правиц, ядерное оружие не может иметь значения в этом регионе. Во-первых, Израиль не может быть полностью уверен в том, что бомба сработает, и, следовательно, сдерживание не является «кредитоспособным». Значит, ему придется использовать по несколько боезарядов против каждой арабской цели. А, во-вторых, даже в случае, если бомба сработает против какой-либо близлежащей арабской столицы, то что станет с самим Израилем?

⁹⁴ Автор выражает глубокую признательность А.И. Зобову, В.Л. Олеандрову и А.В. Хлопкову за высказанные ими ценные замечания при подготовке настоящей статьи.